

На правах рукописи

Текенова Ульяна Николаевна

**НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОЗЫ
ДИБАША КАИНЧИНА
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Специальность 5.9.1 – Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Горно-Алтайск – 2024

Работа выполнена на кафедре алтайской филологии и востоковедения факультета алтаистики и тюркологии ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет».

Официальные оппоненты: Семенова Валентина Григорьевна,
доктор филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой якутской литературы
института языков и культуры народов
Северо-Востока Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Северо-восточный федеральный
университет имени М. К. Аммосова»
(г. Якутск)

Хасавнех Алсу Ахмадулловна,
доктор филологических наук, старший
научный сотрудник Центра исламского
наследия Болгарской исламской академии
(г. Болгар)

Зайцева Татьяна Ивановна,
доктор филологических наук, доцент
кафедры удмуртской литературы и
литературы народов России института
удмуртской филологии, финно-угроведения
и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет» (г. Ижевск)

Ведущая организация: ГБНИУ РХ «Хакасский научно-
исследовательский институт языка,
литературы и истории» (г. Абакан)

Защита диссертации состоится «3» июля 2024 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета 72.1.001.02, созданного на базе ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» по адресу: 420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (<http://www.antat.ru>) и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ (<http://vak.minobrnauki.gov.ru>).

Автореферат разослан « ___ » _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

М. И. Ибрагимов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Алтай – регион с уникальным культурно-историческим наследием, он по праву является огромным музеем под открытым небом, памятником древних культур. Всемирную известность получили курганы скифского и древнетюркского времен, петроглифы, каменные изваяния и рунические письмена. Культурное и природное богатство для алтайцев всегда находится в вечном синтезе. Осмысление творческой интеллигенцией Алтая духовных ценностей своего этноса, мифологии и фольклора, героического эпоса, религиозного сознания во второй половине XX – начала XXI в. послужили толчком к возрождению алтайской литературы как этико-философской системы в тесной связи с мировоззрением своих предков.

Алтайская литература, как и другие литературы народов России, прошла сложный путь становления от фольклорных форм к современным произведениям. Писатели и поэты Алтая всегда были в центре народной жизни, их интересовали общественные, экономические, социально-политические духовно-нравственные вопросы, выбор пути развития общества. Во второй половине XX в. руководство Горно-Алтайской автономной области и молодая писательская организация умело воспользовались всеми возможностями в подготовке профессиональных алтайских поэтов и прозаиков: алтайская литература заявила о себе как о самобытной и высококоразвитой художественной целостности.

Весьма значимой представляется эволюция алтайской словесности «в контексте многонациональной литературы СССР, когда осуществлялся активный процесс взаимодействия литератур разного уровня художественности», это благотворно способствовало «развитию молодых художественных систем, обогатив их жанрово-изобразительную палитру <...> Алтайская литература именно в 60–80-е годы XX века <...> стала одной из развитых художественных систем»¹. Этот скачок «шестидесятников» позволяет ей и в настоящее время оставаться в едином пространстве художественного процесса национальных литератур России.

Алтайская литература рассматриваемого периода тяготеет к осознанию национальной идентичности и сохранению этнических художественных традиций народа. На разных уровнях литературного процесса в эти годы обнаруживаются изменения, отличительной особенностью которых становится интерес к национальной тематике (мифологии, истории, религии), этнической психологии и особенностям творческого сознания. Необходимость исследования алтайской прозы с этих позиций и существующая методологическая неоднозначность изучения алтайской литературы рассматриваемого периода **актуализируют** наш исследовательский интерес к прозе второй половины XX – начала XXI в. в целом, и творчеству выдающегося писателя Д. Б. Каинчина, в частности.

¹ Палкина, Р. А. Алтайская литература как художественная система. – Горно-Алтайск, 2015. – С. 268.

В алтайской литературе данного периода наблюдаются взаимодействие и взаимосвязанность различных художественных тенденций, их согласованность и противостояние. В связи с этим возникает потребность использовать в исследовании разные подходы, в том числе контекстуальное рассмотрение художественного диалога. Это позволяет обнаружить в конкретном произведении и творчестве писателя в целом глубинные литературные и культурные взаимосвязи, и рассматривать алтайскую прозу как единую и цельную систему, основывающуюся на единстве этнического мировидения писателей. Подобное исследование национального своеобразия и особенностей развития алтайской прозы второй половины XX – начала XXI в. не может быть полноценным без всестороннего анализа творческого наследия выдающегося алтайского прозаика Дибаша (Семена) Беруковича Каинчина (1938 – 2012) и введения в научный оборот его художественных текстов. Таким образом, **актуальность** выбора темы объясняется также необходимостью переосмысления литературного наследия Д. Б. Каинчина в контексте алтайской прозы с учетом достижений филологической науки последних десятилетий и представления целостного взгляда на прозу писателя.

Степень научной разработанности темы. До настоящего времени в алтайском литературоведении национальное своеобразие прозы Д. Б. Каинчина в контексте алтайской литературы второй половины XX – начала XXI в. не было предметом отдельного исследования. Тем не менее, нужно отметить, что в трудах алтайских ученых фрагментарно рассмотрены и проанализированы отдельные произведения, приведены высказывания и обобщения теоретического и литературно-критического характера, касающиеся творчества писателя и развития алтайской литературы в целом.

В советский период уяснение национального своеобразия алтайской прозы как единого и целостного явления затрудняли идеологические установки. Известные алтайские литературоведы предпочитали ограничиваться только констатацией важнейших тенденций развития алтайской литературы. При этом, ценные наблюдения о творчестве Д. Б. Каинчина как уникального явления в становлении алтайской прозы были высказаны алтайскими (С. М. Каташев, В. И. Чичинов, Р. А. Палкина, З. С. Казагачева, Н. М. Киндикова) и сибирскими (Л. П. Якимова, К. Ф. Антошин и др.) литературоведами в 1990-е гг. Однако остались нерешенными проблемы выявления и интерпретации национального своеобразия его творчества и алтайской прозы второй половины XX – начала XXI в. В данной работе представлен целостный взгляд на литературный процесс Горного Алтая исследуемого периода через выявление национальных особенностей в произведениях Д. Б. Каинчина в соотнесенности с прозой С. С. Суразакова, Л. В. Кыкишева, А. О. Адарова, Б. У. Укачина, К. Ч. Телесова, Ш. П. Шатинова, Т. Б. Шинжина.

Целью диссертационной работы является исследование национального своеобразия прозы Д. Б. Каинчина в контексте алтайской литературы второй половины XX – начала XXI в.

Задачи:

- проанализировать роль и значение национальных традиций и культурных кодов этноса в алтайской литературе исследуемого периода и описать их доминантные принципы проявления на уровне тематики, жанра и стилистики;
- исследовать национальное своеобразие прозы Д. Б. Каинчина как идейно-эстетического феномена историко-литературного процесса алтайской литературы второй половины XX – начала XXI в. с погружением в контекст прозы исследуемого периода;
- провести системный и целостный анализ принципов и приемов психологизма в прозе Д. Б. Каинчина в соотнесенности с произведениями писателей-современников в алтайской, русской, тувинской и якутской литературах;
- описать «разнополярный» художественный мир Д. Б. Каинчина на основе типологизации его основных компонентов;
- изучить своеобразие поэтики повествования сказов, сказок автора и выявить в них отражение народной философии.

Научная новизна диссертационной работы заключается в углубленном и многостороннем исследовании национального своеобразия прозы Д. Б. Каинчина на основе современных литературоведческих концепций, обращение к которым обусловлено тремя факторами:

- системностью охвата творчества Д. Б. Каинчина в жанрово-родовом, идейно-эстетическом, эволюционном аспектах,
- контекстным подходом, в соответствии с типологией В. Е. Хализева (авторский контекст, контекст творчества писателя и контекст восприятия),
- реалиями межлитературного взаимодействия в качестве способа постижения национальной идентичности.

Объектом исследования выступает проза Д. Б. Каинчина во взаимосвязи с произведениями С. С. Суразакова, Л. В. Кокышева, А. О. Адарова, Б. У. Укачина, К. Ч. Телесова, Ш. П. Шатинова, Т. Б. Шинжина.

Предмет диссертационного исследования – национальное своеобразие прозы Д. Б. Каинчина в контексте алтайской литературы второй половины XX – начала XXI в. на родовидовом, жанрово-стилевом, пространственно-временном, сюжетно-композиционном, системно-образном, мотивном уровнях с учетом организации речевого материала, способов и приемов психологического изображения персонажей.

Гипотеза исследования: проза Д. Б. Каинчина является уникальным национальным явлением алтайской литературы второй половины XX – начала XXI в. как сохранившая себе все эпические доминанты алтайской духовности, героического эпоса и мифологии, объединившая в единый художественный комплекс все прозаические произведения (роман-диалогия, повести, рассказы, рассказы-очерки, сказы и сказки), поддерживаемая художественными связями и сцеплениями, генетическими и типологическими перекличками и диалогом не только с алтайскими прозаиками, но и писателями других национальных литератур России.

Материал исследования. В рамках диссертации невозможно рассмотреть все произведения Д. Б. Каинчина. Поэтому в нашей работе аналитическому рассмотрению прежде всего подлежат роман-диалогия «Ўстибисте

Үч-Сүмер» («Над нами Белуха»), повести «Ол жараттан» («С того берега»), «Көстөриме туулар көрүнзин» («Пусть глазам моим покажутся горы»), «Жылдыстар когы» («Пепел звезд»), «Ой лө жүрүм» эмезе «Өлөн, өлөн, өлөн...» («Время и жизнь» или «Сено, сено, сено...»), «Ченелте» («Испытание»), «Кыпчак кезер Тударкан-алып керегинде сөс» («Слово о кыпчакском витязе Тударкан»); рассказы «Талкан», «Кайчы» («Сказитель»), «Рай», «Как Герася у нехристей ночевал», «Наш счастливый бег...», «Оочы сөөктү Болоттын айлаткышка учуп жүргени» («Как Болот в космос летал»), «Байкал и Саксабай», «Чеден» («Изгородь»), «Лунная соната», «Ссылный Евсей Боровиковтын калганчы ижемјизи» («Последняя надежда ссыльного

Евсея Боровикова»), «Любовь коммуниста Ивана Гомзина», «Азатпай» («Воробышек»), «Жаманка ла Якшылар» («Яманка и Якшилар»), «Эрдин эреени – эки...» («У мужчины всегда есть вторая попытка...»), «Аба йыштын базасы» («Дочь тайги черневой»), «Баш ла болзын...» («На перевале»), «Тууларыс јеринде» («А горы-то остались»); а также сказки и сказы Д. Б. Каинчина. Тексты отобраны по признакам художественной ценности и наибольшего соответствия задачам исследования национального своеобразия прозы писателя.

При отборе произведений писателей-современников Д. Б. Каинчина большое значение для нас имело представление о характере диалогических отношений его прозы с творчеством алтайских писателей. Для реализации широкого контекстуального подхода к анализу произведений Д. Б. Каинчина исследование проводилось с привлечением большого массива произведений С. С. Суразакова, Л. В. Кокышева, А. О. Адарова, Б. У. Укачина, К. Ч. Телесова, Ш. П. Шатинова, Т. Б. Шинжина и других писателей-современников. Нами также рассмотрены и проанализированы произведения русских, тувинских и якутских авторов второй половины XX–XXI в. (Ч. Т. Айтматова, В. М. Шукшина, В. Г. Распутина, Е. Г. Гущина, тувинского писателя М. Б. Кенин-Лопсана и якутского писателя И. М. Гоголева). Основную часть исследовательского материала составили «вершинные» произведения Д. Б. Каинчина.

Методология и методы исследования. В соответствии с поставленными задачами методологической основой диссертационного исследования являются имманентный и контекстуальный подходы. Первый обращен на внутреннее содержание и строение произведения, отличается полнотой исследования всех слагающих произведение единиц (А. П. Скафтымов). М. Ю. Лотман называет этот подход монографическим анализом конкретных произведений. К достоинствам имманентного подхода относятся пристальное внимание к «текстовой данности» литературного произведения, стремление к наиболее полному охвату анализом всех формальных и смысловых пластов текста.

Под контекстом в литературоведении понимаются внешние по отношению к тексту факторы или их система, которые стимулировали создание текста и способны регулировать, направлять, обогащать понимание текста. Контекстуальный подход – это изучение истории возникновения текста, его

взаимосвязь с всевозможными внешними явлениями: биографией автора, творчеством других авторов, историческими событиями и пр. (А. Ф. Лосев, М. М. Бахтин и др.). При концептуальном анализе актуализируется классификация видов контекста (В. Е. Хализев, И. В. Гюббенет, В. Я. Задорнова и др.). Применение контекстуального подхода необходимо, чтобы проследить историю функционирования текста от отзывов современников автора до литературоведческих исследований, представить произведение в системе исторических, культурных и собственно литературных связей. Этот подход к изучению творческого наследия Д. Б. Каинчина позволяет исследовать национальное своеобразие прозы писателя во взаимосвязи с внешними явлениями, историческими событиями в жизни алтайского народа и страны, литературным контекстом определенного периода в целом.

В литературоведении накоплен определенный научный фонд, содержащий предпосылки для комплексного исследования национального своеобразия литератур, в которых отражены многие аспекты исследуемой проблемы. Для достижения большей ясности и определенности понятий и методов теоретической и исторической поэтики в анализе различных аспектов литературного произведения (речь, сюжет, повествование) – характеристике типических структур художественного целого (рода, жанра, стиля) нами были привлечены труды, посвященные проблемам искусства, категории эстетики и семиотики в изучении художественной литературы (Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман, В. Е. Хализев и др.).

При реконструкции творческой биографии писателя и литературно-художественной оценки его творчества критиками, литературоведами и современниками прозаика мы обращались к трудам В. М. Жирмунского, особое внимание заслуживают монографии Р. А. Палкиной и Н. М. Киндиковой, исследования ученых института алтаистики им. С. С. Суразакова Республики Алтай и др., в которых также рассматриваются вопросы национального своеобразия прозы в алтайской литературе, особенностей менталитета и этноидентичности алтайцев.

В ходе изучения национального историко-литературного процесса, определения теоретических аспектов национальной идентичности литературы как наиболее сложной проблемы литературоведения, выработки необходимой методологии ее изучения, а также для рассмотрения соотношения этнического и национального как явления творческой эволюции нами использованы труды ученых-теоретиков, исследователей национальных литератур России (Ч. Г. Гусейнов, Г. Д. Гачев, Ю. Г. Нигматуллина, К. К. Султанов и др.).

С целью конкретизации исследовательского вектора в диссертации использованы теоретические труды, посвященные проблеме изображения человека в художественной литературе, познания человека через образы героев, созданных автором: построение характера литературного героя, механизмы его поведения, в которых отражается писательское представление о социальных и нравственных ценностях (Л. Я. Гинзбург, А. Б. Есин, В. П. Белянин и др.). Научные труды М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана были привлечены

нами для анализа хронотопа с точки зрения пространственной и временной онтологии, обусловленной типом творческого сознания писателя. Для выявления мифологических концептов и мотивов, культурных универсалий и кодов в структурах художественных произведений особое значение имеют научные труды широкого круга отечественных исследователей (А. Н. Веселовский, В. Н. Топоров, М. Е. Мелетинский, Л. П. Потапов, А. М. Сагалаев, С. С. Суразаков, Н. А. Тадина, Н. Р. Ойроткинова и др.).

В плане исследования взаимосвязи тюркских литератур второй половины XX – начала XXI в. востребованы наиболее значимые труды исследователей национальных литератур, фольклористов и этнографов России. Обзор научных работ дает объемное и концептуальное представление о разных подходах к исследованию проблемы национального своеобразия литератур народов России, что подтверждают процессы, которые происходят в настоящее время во взаимодействиях и диалогах литератур современной России (Н. А. Баскаков, Ч. Г. Гусейнов, Н. М. Киндикова, С. Ж. Балданов, У. Б. Далгат и др.).

Наиболее значительными исследованиями алтайской литературы, в частности, проблемы генезиса и динамики развития национальной прозы являются труды алтайских филологов (С. С. Суразакова, С. С. Каташа, С. М. Каташева, Г. В. Кондакова, В. И. Чичинова, З. С. Казагачевой, Р. А. Палкиной, Н. М. Киндиковой, Н. Р. Ойроткиновой).

Методы исследования. В диссертации использовано сочетание культурно-исторического, историко-генетического, мифопоэтического, сравнительно-сопоставительного и герменевтического методов, типологического и рецептивного подходов, мотивного и дискурсивного анализа.

Положения, выносимые на защиту:

1. Национальное своеобразие алтайской литературы представлено неповторимой картиной мира и культурными кодами этноса (астрологический, вегетативный, орнитологический, зооморфный и др.), в них традиционное мировоззрение и философия алтайцев, религиозные взгляды и отношение к природе являются основным условием формирования нравственных ориентиров человека, его поведения в обществе, они служат художественному выражению этнической ментальности и эстетических предпочтений народа.

2. Национальное своеобразие прозы Д. Б. Каинчина раскрывается во взаимосвязи с литературным контекстом, с внешними явлениями, событиями в жизни алтайского народа и страны в целом, что позволяет говорить о многообразии «горизонтальных» и «вертикальных» связей его произведений с литературными и внелитературными реалиями, находить генетическое и типологическое сходство, диалогические отношения с произведениями писателей-современников в алтайской, русской, тувинской и якутской литературах.

3. Исследованный корпус текстов на тему Великой Отечественной войны отражает воспоминания о военном детстве Д. Б. Каинчина, Л. В. Кокышева, Б. У. Укачина, Ш. П. Шатинова, Т. Б. Шинжина. Герои их произведений через образ Дьер-Суу (Родины-Земли) – Алтая, алкыши-благопожелания, обычаи и традиции алтайцев, героический эпос и другие фольклорные

вкрапления выражают скрытые смыслы, служащие раскрытию истории, мировоззренческих составляющих и духовности алтайского народа, знаковых характеристик национального бытия этноса.

4. Произведения Д. Б. Каинчина, Л. В. Кокышева, Б. У. Укачина, К. Ч. Телесова, Ш. П. Шатинова, Т. Б. Шинжина объединены общностью тем и идей, постановкой социально-нравственных проблем, отличаются глубоким этнопсихологизмом в изображении характеров. В них отчетливо проявляются нравственно-этические проблемы современного общества, темы и мотивы преемственности жизни поколений, отношения к природе, единства родового и природного начал в этносе, звучит тревога за будущее Алтая. Писателями затронута проблема «отцов и детей» в контексте таких понятий как память, род, семья, дом, мать, которые были и остаются для каждого представителя алтайского этноса основополагающими.

5. Воссозданная Д. Б. Каинчиным мифопоэтическая модель мира отражает этническое творческое сознание, реализованное в системе культурных кодов, архетипов, образов-символов и в других поэтических категориях. Писатель поднимает актуальную проблему современного общества – национальную идентичность в поликультурном мире, для выражения которой выбрано мифопоэтическое миромоделирование на основе мифоэпической традиции тюркских народов.

6. Сталкивая в конфликте разных по религиозным убеждениям и менталитету людей, Д. Б. Каинчин, С. С. Суразаков, А. О. Адаров высвечивают их национальные характеры через психологические детали, способствуя созданию этнической и индивидуально-образной картины мира. В их творчестве национальное своеобразие алтайской прозы заключается в синтезе локального и глобального, социального и онтологического, в обращении писателей к всечеловеческому осмыслению духовно-религиозных и экзистенциальных вопросов жизни соотечественников через мировидение алтайцев. В этом контексте проза Д. Б. Каинчина отличается напряженным противостоянием характеров и психологии людей, изображенных при помощи разных типов психологических деталей (поведение и портрет, «внутренние жесты», мимика, сны и видения и т.д.), мастерски переплетенных в художественных образах и органически входящих в причудливую картину мира.

Теоретическая значимость работы обусловлена углублением понятия «национальное своеобразие» («национально-культурная идентичность») применительно к творчеству Д. Б. Каинчина и к историко-литературному процессу Горного Алтая второй половины XX – начала XXI в. в целом. Материалы диссертации могут быть востребованы в качестве теоретической основы при исследовании творчества других алтайских поэтов и писателей.

Диссертационное исследование уточняет и углубляет представление об алтайской прозе, о роли и значении творчества Д. Б. Каинчина в развитии этнической литературы и национального творческого сознания. В нем конкретизируются знания о функционировании и смене социокультурных ориентиров и художественных стилей в алтайской литературе. Кроме того, в работе теоретически обосновывается и подтверждается анализом конкретного

историко-литературного и художественного материала национальное своеобразие прозы Д. Б. Каинчина через призму диалога литератур.

Практическая значимость работы. Исследование национального своеобразия прозы Д. Б. Каинчина второй половины XX – начала XXI в. вносит существенный вклад в дальнейшее развитие алтайского литературоведения. Основные идеи и выводы диссертации могут быть привлечены в области истории алтайской литературы с целью расширения представления о национальном своеобразии современной алтайской прозы как феномене национальных литератур в отечественной культуре второй половины XX – начала XXI в. Материалы, полученные в ходе исследования, также могут быть включены в соответствующие программы, связанные с изучением творчества писателей Республики Алтай, при разработке специальных курсов и семинаров по алтайской литературе и творчеству Д. Б. Каинчина и других писателей в вузах, сузах и школах.

Апробация и реализация результатов исследования диссертационной работы. Основные положения диссертационного исследования отражены в монографиях «Художественный мир Дибаша Каинчина» (2012), «Литературанын телекейинде» («В мире литературы»), (2013), «Л. В. Кокышевтин чүмделгеzi: литература билим кычырыш» («Творчество Л. В. Кокышева: опыт литературоведческого чтения»), (2013), «Проза Дибаша Каинчина: новые аспекты изучения» (2018); коллективных монографиях «Авторские стратегии в литературном процессе Горного Алтая второй половины XX – начала XXI веков» (2020), «История алтайской литературы» (Книги 3–5. 2019, 2021, 2023); сборнике «Идейно-художественные искания алтайских писателей конца XX – начала XXI вв.» (по материалам межрегиональной научно-практической конференции, 2018), а также в статьях, докладах, тезисах, учебных пособиях вузов и школ. Ключевые идеи и результаты исследования излагались на более чем 30 международных, всероссийских, межрегиональных, региональных, межвузовских и университетских конференциях с 2013 по 2023 гг. в Улан-Удэ, Горно-Алтайске, Абакане, Якутске, Казани. В опубликованных работах достаточно полно изложены материалы диссертационного исследования. В целом содержание работы отражено в более 96-ти научных публикациях и научно-методических работах по алтайской литературе (общим объемом более 125 п. л.), в том числе в пятнадцати изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из трех глав, в составе которых 16 параграфов, заключение, список использованной литературы и источников. Общий объем составляет 422 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень изученности, формулируются цель и задачи работы, определяются научная новизна, объект и предмет, определены теоретико-методологическая база исследования и корпус источников, раскрывается

теоретическая и практическая значимость результатов работы, отмечаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Национально-культурная идентичность алтайской литературы второй половины XX – начала XXI вв.» включает теоретические подходы к рассматриваемому вопросу и посвящена рассмотрению таких важнейших понятий, как «национальное своеобразие», «национальная идентичность», «национальный характер», традиции и культурные коды алтайского этноса с целью воссоздания целостной картины мира как в алтайской литературе, так и в некоторых литературах народов России. Большое внимание уделено исследованию творчества Д. Б. Каинчина как идейно-эстетического феномена алтайской литературы.

В параграфе 1.1. «*Национальное своеобразие литератур народов России и изучение этнопоэтики алтайской литературы: теоретическое осмысление*» рассматривается историография вопроса, отмечается серьезный интерес к проблемам национальной и этнокультурной идентичности, непосредственно к терминам «национальное своеобразие» и «национально-культурная идентичность» в современном литературоведении. Подчеркивается, что в отражении этнической уникальности и особенностей развития национальных художественных культур наблюдается глубокая связь литературы с фольклором, мифологией и народной культурой.

В трудах Ю. Г. Нигматуллиной достаточно широко представлены теоретико-методологические аспекты интересующей нас проблемы («Национальное своеобразие эстетического идеала» (1970), «Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литературы» (1997)). В них реализуется системно-комплексный подход к исследованию категорий, посредством которых устанавливается специфика национальной литературы, ученым доказывается тезис об относительности «границ» между общечеловеческим, национальным и индивидуальным в художественном мышлении писателей.

Данная научная проблема освещается в монографии М. И. Ибрагимова «Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования» (2018). В частности, им рассматривается вопрос о соотношении понятий «национальная идентичность» и «национальное своеобразие». Отмечая активное вытеснение понятием «идентичность» или «национальная идентичность» привычных терминов «национальное своеобразие», «национальная специфика», «национальное самосознание», исследователь подчеркивает предпочтение ученых новому термину начиная с 1990-х гг.² Для нас важны высказывания о том, что в современном литературоведении в исследованиях национального зачастую размывается предмет изучения, подменяется изучением отражения национального (сознания, культуры, менталитета) в литературе. Важным представляется мнение М. И. Ибрагимова о риске размывания предмета исследования, связанного с категориями национального.

² Ибрагимов, М. И. Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования. – Казань, 2018. – С. 5.

Пробуждение этнического самосознания любого народа побуждает писателей проникать в потаенные глубины национального самосознания и кладовые этнопоэтики. Актуальность проблемы изучения национальных особенностей литературы (в жанрово-тематическом, историко-типологическом плане) в контексте развития общерегиональных и мировых цивилизаций отмечала и Н. М. Киндикова. Она акцентировала внимание на таких вопросах современного литературоведения, как углубленная разработка исследования проблем языка и стиля художественной литературы, сравнительно-типологическое изучение национальных литератур не только Сибирского региона, но и русской литературы Сибири (по исторической и географической территориальной общности).

О необходимости учета зональных художественных особенностей при изучении литератур народов Сибирского региона говорили еще в советский период³. Современные ученые-филологи Сибири обратили внимание на эстетическое наследие (языковую, культурно-бытовую, художественно-изобразительную общность), идущее из глубин прарегиона, празоны. В частности, ученые С. Ж. Балданов, Б. Б. Бадмаев и Г. Ц-Д. Буянтуева литературы Сибири объединяют в одну эстетическую общность, но с двумя зонами (южно-сибирская – алтайская, тувинская, хакасская и шорская литературы и восточносибирская – куда, кроме названных уже бурятской и якутской литератур, исследователи включили и юкагирскую)⁴. Безусловно, литературы народов Саяно-Алтая объединяют не только исторические и территориальные связи, но и языковая и этнокультурная общность. Однако алтайская литература выросла на этом фундаменте как полнокровная национальная литература.

В параграфе также рассматриваются уникальные традиции алтайского народа, для которого свойственна философия гармонии существования с окружающим миром и его культурные коды. Исследование специфики создания национальной картины мира, влияния этнических традиций позволяет увидеть развитие алтайской прозы в её связях с традициями и обычаями народа, фольклором. Алтайские писатели воспринимают традиционное мировоззрение и философию алтайцев, окружающую природу и отношение к ней как главное условие формирования социокультурных ориентиров в характере человека, его поведения.

Здесь особо выделяются отражение поэтического пространства и осмысление внутреннего мира человека в его многоплановых связях с окружающей действительностью. Как известно, уклад жизни, культура, традиции, национальные характеры берут свое начало из условий существования, из окружающей среды, которые Г. Д. Гачев отмечает специальным термином-неологизмом: «Природа есть текст, скрижаль завета, что Народ должен прочитать, понять и реализовать в ходе Труда, в творчестве культуры на

³ Гусейнов, Ч. Г. Формы общности советской многонациональной литературы. – М.: Мысль, 1978. – С. 45.

⁴ Балданов, С. Ж. Бадмаев Б. Б., Буянтуева, Г. Ц-Д. Литература народов Сибири: этно-традиция, фольклорно-этнографический контекст. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. – С.36.

своей земле. Причем Труд и культура восполняют то, чего не дано стране от природы. Каждая национальная целостность есть Космо-Психо-Логос, то есть тип местной природы, национальный характер народа и склад мышления находятся во взаимном соответствии и дополнительности друг к другу»⁵. Учитывая духовные потребности и уникальный язык алтайцев, можно уверенно говорить, что национальное своеобразие алтайской литературы является осмысленным художественно-эстетическим, этнопсихологическим и языковым явлением.

С середины XX в. алтайские писатели в своих произведениях стали отходить от «подтягивания под современный европейский образ жизни, что на первых порах не могло не привести к известной денационализации жизни и литературы» и обнаруживают «свою национальную содержательность, упругость, сознательное и критическое отношение к отбору чужеземного материала»⁶, которое наблюдалось и в русской литературе. Осознание резкого отрыва от народных традиций в литературе привело писателей и литературоведов к размышлениям о будущем не только литературы, но и духовного возрождения всего алтайского народа. Именно с этого периода в отдельных научных трудах фольклористов и литературоведов Алтая сформировались серьезные и продуктивные основания для постановки проблемы «национальное своеобразие».

О роли национальной традиции и фольклора в достижениях национальных литератур, в том числе и в алтайском литературоведении, в свое время говорил Н. А. Баскаков, подчеркивая, что алтайский фольклор и литература представляют собой чрезвычайно сложный комплекс вопросов, входящих не только в круг исследований филологов-литературоведов, но и специалистов смежных дисциплин: историков, археологов и этнографов Востока. С. С. Суразаков также утверждал необходимость умения понимать особенности видения окружающего мира, читать книгу бытия каждого народа и обращал внимание на проблемные вопросы этнического социума. В частности, ученый писал, что если современные писатели перестают мыслить национально, то их произведения становятся непонятны народу. Литературовед В. И. Чичинов, изучая общественно-литературную ситуацию 80-х – 90-х гг. XX в., справедливо заметил, что в алтайской литературе важны не периоды и возрастные границы, а мощная литературная традиция шестидесятников, которая жива и сегодня⁷. Ученый акцентировал внимание на резкой смене ценностных ориентаций в идеологии и политике, на процессе восстановления имен незаконно репрессированных и на введение в научный оборот их творческого наследия (Г. И. Чорос-Гуркин и др.). Он подчеркивал возрастающую активность общественного и национального самосознания народов страны в 1980-е – 1990-е гг. как процесс национальной самоидентификации, когда возрастает интерес к собственной истории,

⁵ Гачев, Г. Д. Космо-Психо-Логос. – М.: Академический проспект, 2007. – С. 278.

⁶ Гачев, Г. Д. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. – М., 1989. – С. 113, 158.

⁷ Чичинов, В. И. Общественно-литературная ситуация 80-х – 90-х годов // История алтайской литературы. Кн. 1. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 389-390.

менталитету родного народа, его духовности. Исследователь писал о национальном возрождении как крупных, так и малочисленных этносов: «Все эти общественно-политические движения, рост этнического самосознания алтайцев закономерно привели к преобразованию в 1991 году Горно-Алтайской автономной области в Республику Алтай, когда народ получил возможность непосредственно самому вести диалог с большим миром. Вряд ли есть необходимость доказывать важность этого процесса в дальнейшем мужании малочисленного этноса»⁸.

Н. М. Киндикова выделяла особую «роль фольклора в зарождении собственно национальной литературы», влияние «более развитых литератур на формирование тюркоязычных литератур» и «использование опыта инонациональных литератур»⁹. Как известно, элементы фольклора являются неотъемлемой частью лучших произведений многих писателей Алтая и средством для раскрытия национального характера, создания типических обстоятельств, уникального колорита, выступают как стилеобразующее средство и т.д. Удачное сочетание легенд и преданий родного народа с историческими событиями является одной из интересных и привлекательных сторон произведений национальных писателей. В данном контексте отметим и определение термина «этнолитературоведение» бурятскими учеными, которые, с целью выявления национального в художественном тексте, в литературоведении, образовании и культуре как единого целого, акцентируют внимание на корне с интерфиксом «этно»: «Этнолитературоведение – это есть литературоведение, исследующее художественное произведение или художественную литературу с точки зрения национальной ментальности, национальной образности, склада психики, национального характера и мышления»¹⁰.

Отмечая самоценность материального и нравственного уклада жизни алтайского народа, нужно подчеркнуть самое важное для алтайцев – это историческая преемственность, верность традициям предков, память о покровителях родного дома – всего Кин-Алтая/ Пуповинного Алтая, Дьер-Эне/Земли-Матери (Родины) в единстве пространства и времени, культурных и духовных измерений. Национальное своеобразие, национально-культурная идентичность и художественная специфика алтайской литературы нами рассматривается в аспекте проявления культурных кодов как одного из способов выражения смысла при описании духовного и материального мира алтайцев (на тематическом, жанровом, стилистическом уровнях, композиционной организации текста, принципах и приемах психологического

⁸ Чичинов, В. И. Общественно-литературная ситуация 80-х – 90-х годов // История алтайской литературы. Кн. 1. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 394.

⁹ Киндикова, Н. М. Алтайская литература в контексте тюркоязычных литератур Сибири. – Горно-Алтайск, 2001 – 204 с.

¹⁰ Балданов, С. Ж. Этнолитературоведение – один из разделов современного общего литературоведения // Национально-региональное в вузовском литературном образовании: перспективы, приоритеты. Межвузовская научн.-практ. конф., посв. 80-летию профессора В. Б. Махатова – Улан-Удэ: «Урайд-унэн», 2009. – С. 107–108.

изображения, и индивидуальном стиле писателей). Н. Р. Ойноткинова¹¹ обращает внимание на мифологию как некую знаковую систему, закладывавшую определенным способом информацию (на уровне языка и мышления), действуя различные мифологические кодирования. Ученый выделяет универсальные базовые культурные коды: антропоморфный, зооморфный, демонический, теонимический, космонимический, металлический (минералогический). Рассмотрение творчества алтайских писателей с учетом культурных кодов этноса позволяет исследовать их произведения «как на диахроническом (выявить глубинную связь с богатейшей национальной литературной традицией, <...> так и на синхроническом уровнях»¹².

В алтайской литературе «нашли отражение весь накопленный духовно-практический опыт народа, нормы поведения человека в обществе и семье, можно сказать, сконцентрированно выражена философия этнической жизни. В ней органично сплавлены воедино фольклорный, мифологический и этнографический материал, образуя «плотный» этнокультурный субстрат. Его элементы относятся как к природной (ландшафт), так и духовно-культурной (мифы, предания) сфере»¹³. Их взаимодействие порождает особый процесс сакрализации геопэтического образа Дьер-Суу, которым и является земля Алтая. Эта богатейшая традиционная культура органично входит в поэтику алтайской литературы – отражается в сюжетах, в характерах героев, в их мотивах и поступках, описаниях национального быта и окружающей природы, в речи персонажей и стилистике авторской речи. Следовательно, алтайская литература, в силу национального своеобразия, первоочередного внимания к духовно-нравственным традициям стала равноправным явлением среди литератур народов России в несходных культурных контекстах и языках.

Параграф 1.2. «Литературный процесс Горного Алтая второй половины XX – начала XXI в.: проза» посвящен анализу особенностей развития прозы Горного Алтая. Акцентируя внимание на важности данного этапа во всей истории становления алтайской литературы, мы отмечаем, что именно в этот период вновь возникает необходимость обращения к вопросу периодизации тюркоязычных литератур, в том числе и алтайской литературы. Долгое время этот вопрос не затрагивался, ограничиваясь выделением «дореволюционной» и «послереволюционной» периодов развития литератур¹⁴. Хотя в некоторых тюркских литературах вопрос периодизации был решен

¹¹ Ойноткинова, Н. Р. Культурные коды в мифологических текстах алтайцев // Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты. – Новосибирск, 2021. – С. 65–100.

¹² Галимуллина, А. Ф., Галимуллин, Ф. Г. Национальные и культурные коды в творчестве современных татарских поэтов (2022). <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-i-kulturnye-kody-v-tvorchestvesovremennyh-tatarskih-poetov/viewer> (дата обращения 02.04.2023)

¹³ Гребенникова, Н. С. Алтай вечный и бесконечный // Алтай духовное измерение. – М., 2016. – С. 302–309.

¹⁴ Казагачева, З. С. Зарождение алтайской литературы. – Горно-Алтайск, 1972. – 147 с.

еще в 1920–1930-е гг.¹⁵, алтайские литературоведы, в частности Н. М. Киндикова¹⁶, приступили к его решению только в 90-е гг. XX в.

У истоков разработки генезиса алтайской литературы стояли Н. А. Баскаков и С. С. Суразаков. Одним из первых Р. Ф. Юсуфов выделил в алтайской литературе три периода: древнетюркский; монгольский (монголо-ойротские тексты) и алтайский (на основе кириллицы)¹⁷. Н. М. Киндикова впервые в алтайском литературоведении разработала классификацию: древнетюркская литература (VI–XII); литература монголо-ойротского периода (XIII–XVIII) – ранний джунгарский (XIII–XIV) и поздний ойротский (XV–XVIII) периоды; литература середины XIX и начала XX в.; литература 20–50 гг. XX в. (или первая половина XX в.) и вторая половина XX в. (60–80 гг.); литература 90-х гг. XX в. и первое десятилетие XXI в. – современная алтайская литература, и новейшая алтайская литература. Классификация стала новой страницей в разработке истории литературы и развитии историко-литературной мысли Алтая.

Нами отмечены позитивные тенденции в развитии алтайской прозы рассматриваемого периода: от философского осмысления событий и фактов прошлого и настоящего – до исследования национальных характеров героев и отдельных явлений жизни, составляющих основной конфликт в художественных произведениях. В 60–90-е годы XX в. были достигнуты значительные успехи: окончательно утвердились такие жанры как роман, повесть, рассказ, и алтайская литература уже стала одной из состоявшихся молодых художественных систем страны, зрелой реалистической литературой, которая являлась эстетическим выражением исторически осознанной концепции человека и действительности.

Этот период отмечается появлением социально-психологических и исторических романов Л. В. Кокышева, Э. М. Палкина, И. В. Шодоева и Д. Б. Каинчина. Наиболее полному исследованию этого жанра посвящена монография «Роман в литературах народов южной Сибири» (1979) Р. А. Палкиной, где ученый применяет сравнительный подход – диалогическое сопоставление национальных художественно-эстетических традиций литератур народов Южной Сибири (алтайской, тувинской и хакасской). В частности, Р. А. Палкина обращает внимание на специфику сюжетосложения и композиции в литературах народов Южной Сибири, которая предопределила своеобразие художественных эпических традиций, где в основе сюжета лежит в основном классовая коллизия в эпоху глобальных исторических и культурных сдвигов. Писатели исследуют наиболее важные, решающие, пере-

¹⁵ См.: Рухи мирас: эзлэнүлэр һәм табышлар. Татар әдәбияты тарихы. Борынгы дәвер = Духовное наследие: поиски и открытия. Г. Рахим, Г. Газиз. История татарской литературы. Древний период. – Казань: ИЯЛИ, 2022. – 15 вып. – 300 с.

¹⁶ Киндикова, Н. М. Вопросы периодизации в алтайском литературоведении. Проблема периодизации литератур Сибири // Литературы Сибири: опыт исследования. – Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайский гос. ун-тет, 2014. – С.30–35.

¹⁷ Юсуфов, Р. Ф. Историософия и литературный процесс: средние века и новое время. – М.: Наследие, 1996. – 300 с.

ломные исторические периоды, методом драматизации эпической формы вводятся подтекстовые конфликты, через которые раскрываются глубинные скрытые пласты сюжетного развития социально-исторического, религиозно-этического содержания (картины быта, детали и вещный мир), позволяющие раскрыть особенности и существенные стороны национальной жизни алтайцев, тувинцев и хакасов. Форму повествования от первого лица литературовед справедливо относит к проявлению своеобразия эволюции романного повествования и эстетического развития этих литератур.

В последующем в алтайской литературе появляются роман-диалогия «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над нами Белуха», 2003) Д. Б. Каинчина, первая часть которого была издана в 1986 г. и называлась «Ўч-Сүмер алдында» («Под Белухой», 1986); роман-диалогия «Кадын жаскыда» («Катунь весной», 1985, 1987) К. Ч. Телесова, исторический роман «Өлүмнин чанкыр кужы» («Синяя птица смерти», 1993), затем роман-диалогия «Жүрек ыртөгөн от» («Сердце, опаленное огнем», 2001) и «Кудайлык Алтай. Ўргүлди сүүш» («Божественный Алтай. Вечная любовь», 2005) А. О. Адарова, в которых авторами затрагиваются историческое прошлое и настоящее алтайского народа. Роману-диалогии «Кадын жаскыда» («Катунь весной») К. Ч. Телесова литературовед Р. А. Палкина дает высокую оценку и ссылается также на В. И. Чичинова, который тоже рассматривал его как вершинное произведение писателя, как своего рода алтайский «Тихий Дон»¹⁸. Как считает ученый, К. Ч. Телесов, преломив исследовательский и художнический опыт М. Шолохова в структуре другой национальной действительности, создал глубоко национальное произведение. Это «многомерное повествование, стремящееся вобрать в себя все пласты – горизонтальный и вертикальный, объемный – макро – и микрокосма алтайцев»¹⁹.

Возникает необходимость более пристального внимания со стороны критиков и литературоведов к алтайской **повести** (көнү куучын) и ее типологическим разновидностям. Наиболее активный этап в развитии и становлении алтайской повести относится ко второй половине XX в. (60–80-е гг.), когда утвердился традиционно-эпическая, лиро-эпическая, художественно-документальная (мемуарная) повести. Наблюдается преобладание традиционно-эпических повестей, при этом отмечаются лиро-эпические, к которым тесно примыкают повести лирико-публицистические. Однако такое разделение нужно считать условным.

В алтайском литературоведении существует несколько подходов к классификации жанровых разновидностей повести: по идейно-тематическому принципу, в зависимости от сюжетно-композиционных особенностей (С. С. Суразаков, С. С. Каташ, Г. В. Кондаков, З. С. Казагачева, С. М. Каташев, Р. А. Палкина, Н. М. Киндикова); на современном этапе особенно продуктивным представляется жанрово-стилевой подход, позволяющий учитывать и тематическую детерминацию, жанровую доминанту и стилевые

¹⁸ Палкина, Р. А. Проза // История алтайской литературы. Кн. 1. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 394.

¹⁹ Там же. – С. 396.

особенности повести в их развитии (Э. П. Чинина, М. С. Дедина, А. В. Киндикова, У. Н. Текенова и др.). В алтайской прозе жанровая динамика развития повести является отражением исторических и эстетических преобразований в литературном процессе в целом.

Не менее интенсивно по сравнению с другими прозаическими жанрами «развивается в этот период **рассказ**, где есть свои вершины – «квинтэссенция» жанровых потенций, вершина выражения возможностей рассказа, когда вся органика произведения, вся его поэтика работают на образ, на выражение авторской тенденции»²⁰. Р. А. Палкина акцентирует внимание на нравственно-психологических проблемах и этнопсихологических портретах разных типов героев в рассказах алтайских писателей, отдельно выделяет малую прозу Д. Б. Каинчина, в которых ценностные ориентиры, главные вопросы человеческого бытия и всего мироздания выявляются на категориальном уровне. В алтайской прозе нами отмечено разнообразие типов рассказа на уровне воссоздания изображаемого и по форме воплощения авторского замысла. Отдельно выделяются традиционные рассказы²¹, имеющие различные жанровые подвиды (жизнеописания, житийные рассказы, развлекательные, дидактические исследования характера отдельных качеств человека или психологического состояния и др.). Широкий ряд представляют рассказы-исследования. Отмечаются сатирические и юмористические рассказы, некоторые из которых порой достигают степени гротеска. Отдельно стоят рассказ-очерк, рассказ-репортаж, циклы рассказов, лирические рассказы, рассказы-миниатюры. Выделяются в большую группу «лукавые» рассказы, а также фантастические, парадоксальные и трагикомические. К ним тесно примыкают рассказы-гротески и так называемые рассказы «про ничто». В частности, данная категория рассказов отмечается в прозе Д. Б. Каинчина.

Таким образом, алтайская проза по идейно-эстетической и духовной значимости выходит не только на ключевые позиции национальной литературы, но и придает ее дальнейшей истории качественно новый вид, активно продолжается художественный поиск, наблюдается «движение алтайской прозы к многомерному отображению действительности»²².

В параграфе 1.3. «Художественно-документальная и мемуарно-биографическая проза алтайских писателей» представлено исследование национальной идентичности и особенностей ее воплощения в алтайской художественно-документальной и мемуарно-биографической прозе 60–80-х гг. и рубежа XX–XXI вв. Мы установили, что алтайские писатели чаще обращались к жанру автобиографической повести. Произведения Л. В. Кокышева, А. О. Адарова, Д. Б. Каинчина, Б. У. Укачина и др., соединившие в себе документальность и фикциональность, вполне соответствуют требованиям жанра. Нами отмечается и использование реальных фактов из жизни

²⁰ Палкина, Р. А. Проза // История алтайской литературы. Кн. 1. – Горно-Алтайск, 2004. – С.427.

²¹ Там же. С. 298.

²² Там же. С.313.

писателей (события, даты, прототипы, топонимы и др.) в процессе создания автобиографического произведения.

Как известно, автобиографический текст отличается от литературного не только присутствием документально-подтверждаемых материалов, но и особенностями художественного изображения. Например, повесть «Jaан телекейге јол» («Дорога в большой мир», 1979) А. О. Адарова исследователь Р. А. Палкина справедливо относит к мемуарной. В ней все факты и события из жизни А. О. Адарова (1932–2005), Л. В. Кокышева (1933–1975) и Э. М. Палкина (1934–1991), начиная со школьных лет, взяты из реальной жизни. Центральный герой повести – Лазарь Кокышев – талантливый поэт, прозаик и драматург. Все остальные события в произведении выстроены вокруг образа главного героя. К философскому типу автобиографического сочинения относится повесть «Јус письмо» («Сто писем») Л. В. Кокышева (закончена еще при жизни автора (1964–65 гг.), но увидела свет спустя только 25 лет). Отличительная черта этого произведения – выбранный писателем эпистолярный жанр: каждая глава (относительно небольшая по объему) представляет отдельное письмо. Автор ставит сразу несколько главных задач: психологическую, социальную, литературную и философскую. В его посланиях обсуждаются не только частные вопросы, но и общечеловеческие проблемы, идет диалог со временем и современниками. Принцип рядоположенности всех писем в повести позволяет читателю по-разному сопоставлять их, т.е. есть возможность чтения «враздробь». Л. В. Кокышев – писатель, опередивший свое время. В его повести «Јус письмо» выражено много личных переживаний, раздумий о будущем своей родины, народа и родного языка, мечты, связанные с творчеством.

Более детально нами рассмотрена мемуарная повесть «Ой лө јүрүм» или «Олөн, олөн, олөн...» (2013) («Время и Жизнь» или «Сено, сено, сено...») Д. Б. Каинчина, в которой тематизация событий и воспоминаний, построение диалога с читателями являются способами эстетического осмысления жизненного материала, ставшего предметом изображения в названном произведении. Такое воспоминание-самоосмысление всегда нуждается в собеседнике, слушателе, в нем активно формируется читатель, образ понимающего собеседника, который близок к герою по характеру, мировосприятию, имеет общие нравственные ценности и которому автор всецело доверяет.

В повести Д. Б. Каинчина лейтмотивом проходит мотив дороги: каждый прокос – это жизненная дорога человека, судьбы отдельной личности. Семь дорог – это дороги судьбы членов его семьи, одна из которой оборвалась раньше других. О личной трагедии писатель никогда не говорил, лишь однажды в небольшом рассказе «Азатпай» («Воробышек») проскальзывает тень невыразимой боли от потери близкого человека.

Писатель в последние годы много размышлял и о многонациональных литературах России, о великих писателях советского периода и настоящего времени. В частности, он очень тонко затронул актуальную проблему – трудно быть писателем малочисленного народа, который из-за своего

мало количества не может продвигать своего представителя. Ведь талант писателя и созданный им не зависит от численности народа, который он представляет. Прозаик особо выделяет роль литературы в судьбе малочисленных этносов: с исчезновением литературы – исчезнет и язык народа, а с утратой языка – исчезнет и сам народ.

Таким образом, национальная идентичность и особенности ее воплощения в художественно-документальной и мемуарно-биографической прозе алтайских писателей заключены в постановке психологических, социальных, литературных и философских вопросов через призму национальной самоидентификации самих авторов.

Параграф 1.4. «Жизнь и творчество Дибаша Каинчина через призму литературоведения и критики» посвящен исследованию литературного наследия Д. Б. Каинчина. Отмечается, что в литературоведческих трудах алтайских и сибирских филологов второй половины XX – начала XXI в. (Л. П. Якимова, К. Ф. Антошин, З. С. Казагачева, С. М. Каташев, В. И. Чичинов, Н. М. Киндикова, Р. А. Палкина и др.) раскрывается многообразие и богатство художественного мира творчества писателя. Проза Д. Б. Каинчина продолжает оставаться объектом пристального внимания и современных ученых Республики Алтай (Т. П. Шастина, У. Н. Текенова, А. В. Киндикова, М. С. Дедина, Э. П. Чинина, В. П. Канарина и др.).

Д. Б. Каинчин всегда находился среди народа, был активным общественным деятелем, публицистом, автором поэтических и драматических произведений, великолепным переводчиком и прозаиком. Как отмечает К. Ф. Антошин, «Для Д. Каинчина свойственно стремление к усложненному сюжету. Необычна, пожалуй, в масштабах прозы литератур народов Сибири архитектура произведений, где рассказ ведется то от лица автора, то от имени ведущих ее героев...». В его произведениях исследователь отмечает конструирование «по принципу перемежающихся друг друга внутренних монологов», проявление «авторской способности к глубокому проникновению в нравственную жизнь, психологию героев, умение обосновать и мотивировать социальное поведение людей, их поступки»²³.

Д. Б. Каинчина по праву называют одним из выдающихся писателей не только алтайской литературы второй половины XX – начала XXI в., но и других литератур народов Сибири, достойным представителем деревенской прозы даже в кругу писателей этого направления в русской литературе (В. Шукшин, В. Распутин, В. Астафьев, Е. Гуцин, В. Белов, и др.), писателем-философом, считавшим литературную деятельность особой формой самовыражения, максимально раскрывающей личностный потенциал художника. В его рассказах и повестях отражается не только глубокое знание жизни и труда сельских жителей, но и прослеживается великолепная наблюдательность за миром природы и повадками животных. Л. П. Якимова справедливо акцентирует внимание на «проблемное социально-психологическое

²³ Антошин, К.Ф. Роман и история //Актуальные проблемы современной алтайской литературы. – Горно-Алтайск,1995. – С. 83.

повествование, пристальность внимания к «человеческому фактору», личностному содержанию человека», присущее его прозе, которое было отчетливо заявлено в русскоязычных сборниках писателя, и «позволяло уже говорить о создании в национальной литературе фундамента национальных традиций»²⁴. Отмечая вклад прозаика в горно-алтайскую прозу, она пишет, что с приходом Д. Б. Каинчина в алтайскую литературу со всей четкостью проступила «линия ее преемственного развития, появилось то необходимое звено, которое сообщило цельность всей цепи литературного развития. В лице писателя алтайская проза окончательно встала на свой собственный путь, не зависимый от судеб поэзии»²⁵.

Писатель хорошо понимал значение своего писательского вклада в возрождение эпических традиций в алтайской литературе и в воскрешение «алтайского духа», в утверждение общечеловеческих ценностей с помощью своего творчества. Об этом он пишет: «На мой взгляд, если коротко, задача литературы – узнать Человека и помочь ему делаться человечнее, хотя бы частично. Она – память и опыт прошедших веков», и подчеркивает важность роли писателя малочисленных народов («Именно малочисленного, так как не бывает малого народа») ²⁶. Он писал о взаимосвязи судьбы народа и родины: «... Неоспорима и государствообразующая роль литературы и культуры вообще... Необъятна Россия, не зная Пушкина, Толстого, Достоевского, современных писателей – Астафьева, Распутина, Белова и др. ее художников, музыкантов, артистов, трудно принять и понять, особенно нерусскому человеку, что именно она – Россия – Его Родина, полюбить ее, гордиться ею, чувствовать себя россиянином. И статус нашей Республики, уверен, в первую очередь, зависит от уровня своеобразной культуры и литературы ее народов»²⁷.

В своих произведениях Д. Б. Каинчин с помощью средств художественной речи выражал эстетические, историософские, социально-культурные, нравственно-этические взгляды общества. Его проза выделяется новизной в жанровом, сюжетном, речевом отношениях. Произведения «позднего» Д. Б. Каинчина облекаются в форму философских повестей, рассказов, сказов и сказок, напоминая древнетюркские традиции художественного сознания. Р. Бикмухамедов, отмечая оригинальность и талант прозаиков Сибири, Тувы, Хакасии, Бурятии, Якутии, Горного Алтая, народностей Крайнего Севера (чукчей, нивхов, нанайцев), Дибаша Каинчина выделил индивидуально: «... Но Д. Каинчин наособицу. На мой взгляд, он движется где-то в русле молодой прозы Сибири (Коньяков, Машкин, Распутин), Вологодчины (Белов). Однако и речи не может быть в подражании. Д. Каинчин национален и в тематике, и в проблематике, и в образности. Объединяет его вообще с русскими писателями непосредственная и как бы бесхитростная связь

²⁴ Якимова, Л. П. Об идейно-художественных итогах одного десятилетия в истории алтайской литературы // Актуальные проблемы современной алтайской литературы. – Горно-Алтайск, 1995. – С. 39.

²⁵ Там же.

²⁶ Каинчин, Д. Б. Дорогой читатель! // Живу и верую. – Горно-Алтайск, 2008. – С. 4.

²⁷ Там же.

с народным бытом села, деревни. Вот эта близость, точнее, полное слияние с современным крестьянством (в данном случае, с алтайским) определяет все особенности прозы Д. Каинчина и ее оценку, ее значимость и место в современном литературном процессе»²⁸.

Признанием таланта прозаика является посвящение 9-го тома серии «Одна семья. Библиотека народов Сибири» прозе Д. Б. Каинчина. В заключительной статье известный литературовед Сибири, профессор, критик и писатель А. П. Казаркин (псевдоним – А. Кержак), отмечая любовное внимание писателя к миру природы, к традициям алтайцев, называет его создателем национальной алтайской картины мира, а произведения «энциклопедией алтайской жизни». «Его проза – новое слово в литературе Сибири. Вместе с тем он традиционалист в тематике и жанровом выборе, несомненно продолжает так называемую «деревенскую прозу»²⁹.

Д. Б. Каинчин – национально мыслящий писатель. В его прозе, как в художественных, так и в художественно-публицистических произведениях, национальная тема никогда не теряла своей актуальности. Литературоведы относят его «к числу писателей, нашедших «золотую середину» в художественном осмыслении национального бытия» путем передачи мировосприятия, мироощущения алтайцев, всего того, что делает их алтайцами – основу национального образного мышления, отражения взгляда и души народа³⁰. Проза Д. Б. Каинчина «поет» палитрой лексики и фразеологии народного языка алтайцев. В его образах представлен истинный представитель народа в присущем ему единении с природой.

К примеру, Мызыл – героиня повести «Көстөрмө туулар көрүңзин...» («Пусть глазам моим покажутся горы...»); через ее образ раскрывается смысловая сущность слова Алтай как Дьер-Суу, земли-первородины, наблюдается величайшее почтение к Дьер-Эне – Земле-Матери, чувство ее вечного зова к себе, выраженный в повести в постоянно произносимой фразе матери и ее детей: «Просите Небо, – шепчет она детям, – чтобы скорее были горы! – Покажитесь горы, покажитесь! – Ырысту вытягивает тоненькую шею и прикрывает глаза. Он говорит это как заклинание, быстро и несколько раз... – Синь Небесная над нами! Пусть глазам нашим скорее покажутся горы, – от всего сердца молит Мызыл и поглаживает, как положено по обычаю, свои две черные косы на груди»³¹. У алтайцев бытует выражение «Жерлү кижі јерине јанар, суулу кижі суузына јанар» («Человек, имеющий свою землю, к своей земле вернется, имеющий свою реку, к реке своей вернется»). Хранительницей этических ценностей этноса здесь яв-

²⁸ Бикмухамедов, Р. Альбом Дибаш Берукович Каинчин. – Горно-Алтайск, 2018. – С. 73.

²⁹ А. Кержак. Извороты судьбы народной // Дибаш Каинчин. Избранное. / Одна семья. Библиотека народов Сибири. Т. 9. – Томск, 2021. – С. 461–464.

³⁰ Казагачева, З. С. Опыт прочтения прозы Д. Каинчина в ракурсе эпических традиций // Сөстгін јурукчызы. – Горно-Алтайск, 2002. – С. 19.

³¹ Каинчин, Д. Б. Покажитесь горы, покажитесь... // Живу и верую. – Горно-Алтайск, 2008. – С. 6.

ляется женщина, в критический момент срабатывают веками накопленные традиции единения человека и природы.

Интерес к литературному наследию Д. Б. Каинчина не ослабевает и в настоящее время. Писатель всегда верил, что «у отдельного человека всегда есть возможность сохранить в себе человеческое начало, восходящее к древнейшим национальным представлениям о его месте в системе мироздания. У каждого человека есть Родина – то единственное место на земле, где его всегда поймут, так как говорят там на родном с ним языке – в прямом и переносном смысле этого выражения»³². Друг и коллега по перу Д. Б. Каинчина Владимир Бахмутов в статье «Умираю я, но не люди» (названной цитатой из повести «Пепел звезд») писал: «...Более того, будучи сам прозаиком, с полной ответственностью заявляю: на земле Горного Алтая мудрее и весомее в этом жанре писателя не было и нет»³³.

Итак, в данном параграфе дается оценка творческого наследия Д. Б. Каинчина как целостного художественного феномена в контексте алтайской литературы второй половины XX – начала XXI в. и его рецепция в литературоведении и критике. В прозе Д. Б. Каинчина актуальным и своевременным является тяготение к осмыслению национальной идентичности, национального характера алтайцев. Его творчество отличается присутствием глубоких философских вопросов бытийного плана, особым восприятием природы и всего окружающего мира, глубиной понимания психологии человека, гражданственностью, великолепным знанием истории, духовной культуры, обычаев и традиций своего народа.

Во второй главе «**Творчество Д. Б. Каинчина в диалоге с писателями-современниками: национальная и этнокультурная идентичность**» представлены контекстуальные исследования прозы Д. Б. Каинчина в сопоставлении с произведениями алтайских, русских писателей современников.

В первом параграфе 2.1. «*Военная тематика в алтайской литературе второй половины XX в.*» рассматривается тема военного детства, которая по проблемно-тематическому воплощению и национальному своеобразию занимает значимое место в алтайской прозе исследуемого периода. Атмосфера военного времени чувствуется в каждой строчке произведений писателей – «детей войны» Л. В. Кокышева (1933–1975), Б. У. Укачина (1936–2003), Д. Б. Каинчина (1938–2012), Ш. П. Шатинова (1938–2009), Т. Б. Шинжина (1936) и др. Именно они стали продолжателями того особого пласта алтайской литературы о Великой Отечественной войне, заданного в свое время писателями-фронтовиками А. Ф. Саруевой (1914–1980), С. С. Суразаковым (1925–1980), И. П. Кочеевым (1912–1996), И. В. Шодоевым (1914–2006) и др. Наши исследования показывают, что военное детство в реальной жизни всплывает в памяти зачастую фрагментарно, но при этом

³² Шастина, Т. П. Чем живет и во что верует Дибаш Каинчин (к выходу книги «Живу и верую») // Ыбаш Бөрүкович Каинчин (Материалы к 80-летию со дня рождения). – Горно-Алтайск, 2018. – С. 17–23.

³³ Бахмутов В. Умираю я, но не люди // Ыбаш Бөрүкович Каинчин (Материалы к 80-летию со дня рождения). – Горно-Алтайск, 2018. – С. 23–27.

достаточно широко представлено в художественном пространстве их произведений. Мы отмечаем, что писатели ставят акцент на человеческой психологии, характере, его поведении в непредвиденных ситуациях, тем самым утверждая общечеловеческие ценности.

Сплетение тематических мотивов детства и войны, жизни и смерти получают развитие в романе «Арина» (1959) Л. В. Кокышева и повести «Ранние журавли» (1975) Ч. Т. Айтматова: эпизод весенней пахоты, образы лошадей и подростков (Карá Л. В. Кокышева и Султанмурат Ч. Т. Айтматова), а конфликт с конокрадами в повести Ч. Т. Айтматова перекликается с событиями в романе «Цветок степей» (1968) Л. В. Кокышева. Силой своей памяти Л. В. Кокышев обращается к миру своего детства, через который прошел сам, испытав все трудности военной жизни (его отец погиб в 1942 г.), что позволяет писателю не просто отдать дань погибшим отцам, но и осознать самого себя, понять систему своих ценностей. В повести «Туулардан келген балдар» («Дети гор», 1966) встречаются эпизоды, создающие бытовые ситуации – работа, игры в войну, тайный обряд поклонения Алтаю мўргўўл (моление) – «Алтайды кодўрер» (дословно «поднимать Алтай») в военное время. Описание совершения обряда представлено взглядом подростка и содержит в себе яркий национальный колорит, связан с ментальными и этнопсихологическими характеристиками алтайцев. В повести «*Өлтүрген болзом тороны*» («Убить бы мне голод», 1981) Б. У. Укачина прослеживается сочетание художественного и публицистического начал, отражающее голодное военное детство самого писателя и его сверстников. Автор раскрывает действительность «через самосознание, через моменты собственной судьбы» и, как справедливо замечает А. В. Киндикова, «дистанция между автором и «образом автора» – минимальна»³⁴.

Тема военного детства звучит и в произведениях Д. Б. Каинчина. Когда началась Великая Отечественная война, Д. Б. Каинчину не исполнилось еще 3-х лет. Как известно, психика детей этого возраста лучше защищена от ужасов и трудностей военного времени. Они не понимали, что где-то далеко на западе идет ожесточенная война, что их отцы на фронте. В рассказе «Кайчы» («Сказитель», 1984) повествование идет от первого лица, и в поступках главного героя (самого маленького мальчика из группы детей), его размышлениях концентрируется авторская позиция. Мир сказок и героического эпоса слепой сказительницы Казак Кокпоевой увлекал детей, уводил из реального мира и заставлял забывать голод и холод. Образ сказительницы воспринимается в одном ряду с солдатами, которые боролись за свою родину. В рассказе Д. Б. Каинчин противопоставляет прекрасный и чистый мир ребенка – кровопролитной войне, подчеркивая, что народные сказки, традиции, мудрость позволяли пережить трагедию и выстоять.

В повести «Эрдине» («Сокровище», 1971) Ш. П. Шатинова наблюдается усиление лирико-эмоционального начала в художественном изображе-

³⁴ Киндикова, А. В. Творчество Бориса Укачина: тематическое и жанровое своеобразие. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 112.

нии правды жизни: с первых же строк образ романтически-возвышенного описания окружающей природы превращается в реалистически – «сниженный». Этот образный контраст не только ощущается, автор противопоставляет физическому признаку села, находящегося под покровом печали и тоски, звонкий смех детворы: единственное и неожиданное здесь, что внезапно бросается в глаза, – это дети, большинство которых не знали в лицо своих отцов, потому что родились, когда они ушли на фронт. В палитре Ш. П. Шатинова преобладают особенности зрительной синестезии как особой формы метафоры – краски черного и белого, временами сглаживающие бледный (выцветший) оттенок темных тонов, которые оттеснили все признаки счастья и любви в юные годы. Вытопанные пригорки, черная дорога, белый песок, глина – все тонет в темноте голода, борьбе за выживание, безысходной тоске военного времени. Вся эта картина построена автором на детальной обрисовке предметов и картин внешнего мира.

Образы пространства любого художественного произведения всегда несут большую смысловую нагрузку. В рассказе «Кёстин јажы» («Слезы», 1970) Т. Б. Шинжина «порог» обозначает границу между пространственными оппозициями: свой и чужой мир. Для алтайцев самое страшное – запрет переступить порог родного человека. Топос порога чаще всего является хронотопом кризиса и жизненного перелома. Таков топоним порога и в понимании Т. Б. Шинжина. Образ двери тетюшки Шаајын организует и делит пространство и время, помогает понять художественную задачу произведения. В первом случае за дверью мы находим природу, животных, колхозников, открытое пространство, новый мир, во втором – айыл, одиночество озлобившегося человека в трудные военные годы. Порог, который запретили переступить, впоследствии для повзрослевших юношей оказывается «алтын бозого» («золотым порогом»). *Слезы* в рассказе – это неотъемлемая составляющая жизни, своеобразный дар природы человеку, помогающий перешагнуть порог своих бед, восстановить разрушенный духовный и душевный мир. В финале рассказа слезы героини можно оценивать, как прозрение, открытие иного смысла жизни.

Тема военного детства красной линией проходит в рассказах В. М. Шукшина. В качестве примера нами выбран рассказ «Рыжий» (1974), который носит автобиографический характер. События происходят в Горном Алтае во время Великой Отечественной войны. Повествование ведется от первого лица; Василию Попову (тогда он еще носил фамилию матери, так как отец был из репрессированных) было где-то 12–13 лет. Впечатление, вынесенное из детства, ощущение счастья от возвращения домой, к матери легло в основу рассказа. Это произведение связывает небольшой отрезок жизни В. М. Шукшина с Горным Алтаем, селами Онгудай – Сротки (алтайское название Эн-Учук), выражает первые впечатления будущего писателя от алтайской природы³⁵.

³⁵ Шукшин, В. М. Рыжий // Надеюсь и верую. Рассказы, киноповесть «Калина красная», письма, воспоминания – М.: Воскресенье, 1999. – С. 40.

Анализ произведений Л. В. Кокышева, Б. У. Укачина, Д. Б. Каинчина, Ш. П. Шатинова, Т. Б. Шинжина, Ч. Т. Айтматова и В. М. Шукшина приводит к заключению о типологическом сходстве в раскрытии темы военного детства, а уровень проявления в них национального своеобразия непосредственно указывает на масштаб и мастерство художников слова, историко-социального горизонта их мировоззрения.

В параграфе 2.2. «*Исторический контекст в прозе Д. Каинчина и А. Адарова*» рассмотрена тема трагических судеб людей в 1920–1930 гг. в произведениях А. О. Адарова и Д. Б. Каинчина. Писатели, используя принцип полярного размежевания характеров, создали произведения на историческую тематику, отличающиеся полнотой реалистического жизнеописания и яркой художественной колоритностью. В романе «*Өлүмнин чанкыр кужу*» («*Синяя птица смерти*», 1993) Аржана Адарова идет переосмысление судеб ранее репрессированных, «взгляд изнутри, из потока истории. История предстает как цепь случайностей»³⁶. В основу произведений Д. Б. Каинчина легли архивные и исторические материалы, доступ к которым появился лишь в годы «гласности и перестройки», именно в этот период писатель почувствовал свободу творчества. Нами более детально исследован триптих «*ВЕРА. ЛЮБОВЬ. НАДЕЖДА*» (2004), который выделяется среди других его произведений своей хроникальностью и документальностью. Героями этих произведений являются люди русской национальности и смешанных русско-алтайских семей староверов-кержаков. В первом рассказе «*Лунная соната*» голос автора звучит в доверительной интонации: он искренне делится услышанным от чекиста историй и узанными в архиве материалами со своим читателями, ясно представив образ Сыромятникова, его характер и судьбу. Достоверность происходившим событиям в рассказе придают исторические фамилии (Деникин, Врангель, Кайгородов и др.); топонимы, которые раскрывают масштабность происходивших событий (Петербург, Москва, Аргут, Катунь, Улала и окружающие его горы Серемей и Тугая и т.д.); названия архивных документов (например, «пожелтевшая тетрадь в архиве республиканского ФСБ, «6-ой фонд, номер 118-оф»), точные даты и др.

В основу второго рассказа «*Любовь коммуниста Ивана Гомзина*» тоже легли материалы, собранные лично самим Дибашем Каинчиным, где приводятся не сами записи, а результат их литературной обработки, сгруппированные согласно принципам художественного освоения писателем вводимых «документов» (которых никто, кроме автора не видел) и его представлениям о функции «монтажа». Образы героев и их имена, взятые из документов архива, прозаик оставляет без изменения. В центре повествования – судьбы людей удаляющейся эпохи, периода существенной ломки общественных, нравственных и жизненных устоев, переоценки ценностных ориентиров. Писатель не ставит цели показывать внешние портреты, действия и поступки своих героев, раскрывающие характер и неповторимое своеобразие лич-

³⁶ Киндикова Н. М. Аржан Ойынчинович Адаров // История алтайской литературы. Кн. 2. – Горно-Алтайск, 2004. – С.13.

ности, отсутствуют и бытовые описания. Взаимодействие эпистолярного жанра с прозой многофункционально: письма содержат описание прошедших событий, участвуют в создании основного сюжета рассказа. Включение их позволило писателю избежать резко субъективных оценок поступков главных персонажей Ивана и Пелагеи, о которых читатель узнает из писем, и способствовало более глубокому осмыслению психологического портрета Ивана Гомзина, вызывая, прежде всего, симпатию и сострадание. Название произведения указывает на политические взгляды героя.

В рассказе «Последняя надежда ссыльного Евсея Боровикова» в настоящее вторгается прошлое: частная жизнь героев описывается в проекции на исторические события XX века. Д. Б. Каинчин пытается художественно удостоверять социальный абсурд 1920–1930-х гг.: во-первых, свидетельствами повествователя, документами из архива, а во-вторых, своеобразными «документальными репликами», местами – со статистическими данными или цитатами из официальных источников, которые придают кажущемуся немислимым абсурду не просто фактическую достоверность, а весомость закономерного явления. Прозаик погружается в прошлое, художественно перерабатывая данный материал, интерпретирует свое выражение и главную идею произведения. Он при помощи определенных литературных приемов жизненную реальность русско-алтайской семьи староверов Боровиковых мастерски превращает в художественную.

Таким образом, каждый этап в истории Горного Алтая порождает характерные конфликты и коллизии. В исследовании исторического контекста мы исходим из осознания того императива, что в творчестве алтайских писателей именно время порождает и жизненные мотивы, и контуры конфликтов, которые нашли художественное осмысление и отображение в их произведениях. Прозаики А. О. Адаров и Д. Б. Каинчин располагают достаточным по охвату событий и художественно зрелым опытом эпического осмысления исторических событий 1920-х – 1930-х гг.

В параграфе 2.3. «*Основные мотивы в творчестве алтайских писателей (Д. Каинчин, Л. Кокышев, Б. Укачин, Т. Шинжин, С. Суразаков)*» на основе анализа художественного материала делается вывод, что алтайская литература, как и многие литературы народов России, постепенно усиливает интерес к конкретным проблемам своего времени и вступает в диалог с современниками. В то же время, несмотря на любые – социальные, политические, экономические – перемены, писатели продолжают обращаться к вечным темам, так как духовные ценности, как и любого народа, так и отдельно взятой личности, должны оставаться незыблемыми. Рассмотренные произведения позволяют глубже понять заложенную в них авторами идею, и, при всей индивидуальности каждого художника в отдельности, органически связаны друг с другом на идейно-тематическом и стилистическом уровнях. В них наблюдается экзистенция по поводу утраты многих человеческих ценностей. Писатели очень тонко затронули проблему «отцов и детей» в контексте таких понятий как память, род, семья, дом, мать, которые были и остаются основополагающими. Содержание, стилистические и жанровые

особенности произведений отражают необратимые изменения в жизни села и города, смену духовных ориентиров. Перед читателями предстали совершенно иные образы и социальные проблемы. Являясь мастерами «деревенской прозы», наследовавшей почвенническую традицию русской и национальных литератур, алтайские писатели прекрасно освоили и «городскую прозу», сформировавшуюся на основе интеллектуальной традиции.

В рассказе Б. У. Укачина голосом автора озвучивается алтайская поговорка «Если хочешь, чтобы твой род продолжился, разожги огонь в очаге сына». Для алтайского этноса огонь является особо почитаемой природной силой, «Одус башту От-Эне» («Тридцатиголовая Мать-Огонь») обращаются и поклоняются алтайцы к огню. Культ огня направлен на сохранение жизни как отдельного человека, так и этноса в целом. В рассказе «Дочь тайги черновой» (1990) Д. Б. Каинчина в центре повествования – образ одинокой женщины, психологию, мировосприятие, поступки и чаяния которой он попытался понять изнутри. Даже при кратком изложении сюжета вырисовывается сложность авторского замысла и противоречивость в изображении картин времен «перестройки». Именно в произведениях данного периода отмечается более резкая фиксация общественной и социальной жизни, введение новых для алтайской литературы тем, а исследуемый рассказ отличается откровенным изображением ряда острых проблем в жизни коренного этноса и разрыва связи поколений. Дети Анны («Последний срок» В. Г. Распутин) тоже относятся к тому поколению людей, которые потеряли связь с родной деревней, и с ней – положительные нравственные качества. Каждый из них думает только о своих делах, они озлоблены на мир и эгоистичны. Писателей объединяет не только контекст и общий предмет изображения, но и признание того, что город и цивилизация разрушают нравственные ценности семьи и традиционные устои народа, разъединяют людей.

В параграфе также рассматриваются образы, относящиеся к типу «маленького человека», у которых постоянно возникают различные проблемы с окружающими людьми и со средой. Появление «маленького человека» в алтайской литературе наблюдается с 1960-х гг. в творчестве Л. В. Кокышева. К примеру, охотник Туба представляет собой героя, мало заботящегося о себе и о своей семье: он не удручен сложностями мироздания, не обладает силой духа, но в нем «воплощен совершенно новый национальный характер в его нетрадиционном звучании, когда надежда растворяется в сатирическом смехе, в революционных проявлениях, носящих общечеловеческий характер»³⁷. Л. В. Кокышев раскрывает его образ, используя такой излюбленный прием как «юмористическая стилизация в духе народного творчества, служащая средством создания комического эффекта»³⁸. Немаловажным является и внешний портрет персонажа, в котором проявляется индивидуально-авторское отношение к герою. Л. В. Кокышев не дает описания

³⁷ Чичинов, В. И. Мир уцелел потому, что он смеялся // Улыбка поэта. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 13.

³⁸ Там же, С. 13.

черт его лица, отсутствует и фамилия, но подчеркивается принадлежность к определенному алтайскому сёок/роду – «кўзен»³⁹.

Герои же рассказов Д. Б. Каинчина динамичны, их внутренний мир передается с помощью внешних маркеров (речь, действия, реакции на внешние возбудители). Язык их прост и максимально приближен к разговорному. Моронот, Каалга и Таркраш Д. Б. Каинчина, также, как и Тубá Л. В. Кокышева, находились на одной из самых низких ступеней социальной иерархии общества своего времени, и место их в социуме фактически незаметно и незначительно. В жизни одной отведена роль пенсионерки-старушки, а другому – чабана, третьему – тракториста. Моронот – борец за свою независимость, надеющийся только на себя, свои «локти»; Каалга отведена роль смиренного, подчинившегося обстоятельствам (дед – чабан, он – чабан и сын будет чабаном), с отсутствием чувства собственного достоинства; третий (Таркраш) – приспособленец, меняющий свою позицию в зависимости от ситуаций, не мыслит себя без трактора и компенсирует свои недостатки восхождением по ступеням (как иерархической социальной лестницы): сменой марки тракторов («тракторишко НАТИ-54», «Беларусь», «Кировец» К-700, старенький «ЧТЗ», новый «ЧТЗ-100»). Только с ними он «мужчина», «человек», в кабине которых «восседал» «как бог на небесах», как алтайские богатыри Алтай-Буучай и Алып-Манаш вместе взятые. Таким образом этот герой стремится вызвать уважение к собственной незначительной персоне.

Исследование мотивов как одной из ключевых элементов поэтики в выявлении национальных особенностей алтайской прозы также представлено через сравнительно-сопоставительный анализ произведений. Мы акцентируем внимание на диптихе «Капшун» (1967) или «Эрдин эреени эки...» («У мужчины всегда есть вторая попытка», 2006) и «Чеден» («Изгородь», 1993) Д. Б. Каинчина. Отметим, что диптих выполнен в ситуации диахронии и каждый рассказ отражает особенности своего времени. В них большинство мотивов формируют пары, усложняющие смысловое поле системы мотивов за счёт включения в её парадигму смысловой антиномии или антитезы: время – граница, преображение – духовная смерть, айыл/дом – бездомье, прекрасное стойбище – стойбище полуразрушенное, погибающее, ущелье – долина, отец – сын, путь – бессмысленное движение (круг) или статика, смерть – сон, Хозяин Алтая – Эрлик (Хозяин подземелья), свет (белый) – тьма (чёрный, хаос) и т.д.

В рассмотренных произведениях наблюдаются архетипические, мифологические сюжеты и универсалии, на их основе выявляются мотивы, вступающие в различные сочетания друг с другом. Отметим, что в качестве традиций духовно-нравственных исканий личности нами отмечается темпорализм как специфический тип «вживания-вчувствования» (по М. Бахтину) в «тайны» времени, что ярко прослеживается в рассказе «Чеден». Если пространственная горизонталь здесь связана с бытовым, то вертикаль – с бытийственным началом. Например, традиционные мотивы пространственной

³⁹ Кокышев, Л. В. Туба // Мен слерди сўүгем (Избранное). – Горно-Алтайск, 1983. – С. 369.

парадигмы, встречающиеся в исследуемых произведениях: изгородь, калитка, избушечка в одно окошечко, ущелье, природный мир – лес, поле, а также мотивы, несущие семантику верха – низа (небо, гора, дерево, коновязь, силосная яма, овраг, пропасть) – получают значимое место в раскрытии оппозиции «подвижный – неподвижный», характеризующей духовное состояние героев. При этом темпоральные мотивы выражают время как точку испытания и преодоления, следствием чего герой теряется в ориентирах времени (галлюцинации, воспоминания, совмещение прошлого и настоящего). Особую роль в композиционной и сюжетной организации диптиха играет пейзаж. В рассказе «Капшун» человек и природа, их взаимоотношение – вот план повествования, который лежит в основе сюжетного направления, связанного с раскрытием характера чабана. Соотнесенность пейзажа и внутреннего мира персонажа во втором рассказе («Чеден») еще шире и глубже: «...пейзажные детали гармонируют с действием по психологической аналогии: мрачность внутреннего мира героя и мрачность среды. ...»⁴⁰.

В отличие от произведений Д. Б. Каинчина, в повести «Ак турлу» («Белое стойбище», 1983) и «Кырлык туулардын кожонгы» («Песня горных рек», 1983) Т. Б. Шинжина мотив родной земли ярко прослеживается через образы молодых людей. В произведениях правдиво воссоздается дух времени, студенческая романтика, энтузиазм, которыми были проникнуты славные дела комсомольцев области и страны в 1950–1960-е гг. В этом ракурсе привлекает общность тем и мотивов прозаических произведений Д. Б. Каинчина и Е. Г. Гущина, в которых центральное место отводится проблеме человека и природы (экология их взаимоотношений), например, в повестях «Кырада истер» («Следы на пашне», 1974) Д. Б. Каинчина и «Бабье поле» (1985) Е. Г. Гущина.

Особняком в алтайской прозе стоят произведения, в которых внутренний мир героев раскрывается через их отношение к деньгам. Мотив денег красной нитью проходит через весь рассказ «Яманка и Якшилар» (2004) Дибаша Каинчина. Автором используется внутренний монолог (поток сознания) для отражения нравственного состояния персонажа в момент принятия ответственного решения. Как и любая история человеческих переживаний, связанная с финансами, случай с находкой «кошелька с деньгами» и его возвращения хозяйну остается частной историей Яманка, но в сюжете рассказа становится главным движущим элементом. Столкновение двух разных взглядов и мышлений в отношении денег является ключевым в Уход из-под власти денег купца делает Яманка свободным, оставляет его с чистой душой.

В отличие от героя Д. Б. Каинчина, Табытка («Улалу», С. С. Суразаков) не нашел, а утаил (своровал) «сундук с деньгами». Через мотив внезапного обогащения воссоздается психологический портрет этого персонажа. Маленькая психологическая деталь: «дыхание перехватило» (от радости) – становится отражением процессов, которые протекают во внутреннем мире

⁴⁰ Балданов, С. Ж. Художественная деталь в бурятской прозе. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987. – С. 76.

героя. Развитие сюжета продолжается: блаженный Дибан принимает на себя грех своего дяди, став грешником поневоле. Для Табытка деньги стали общественной свободой, властью. Он считает, что, построив церковь, очистил перед Богом свою совесть.

Герой же произведения «Туба́» (1974) Л. В. Кокышева представлен свободолюбивым и гордым, жизнелюбивым и жизнерадостным человеком с чувством собственного достоинства. Но это – только внешние проявления, по словам Р. А. Палкиной, «это стихийный бунтарь, не мирящийся с суровой действительностью, выступающий против социальной несправедливости»⁴¹. Не сумев оплатить свои долги баю, шаману, чиновнику, зайсану, он, «махнув рукой, пускается в разгул – угощает всех подряд» в пивной, затем попадает в долговую тюрьму. Фраза «Кижы – алтын, акча – чаазын»⁴² («Человек – золото, деньги – бумага») выражает внутренние качества героя. Именно безденежье толкает его на разные поступки, порой казусные и труднообъяснимые.

Итак, в исследованных произведениях нами выявлено, что авторы стремились психологически объяснить поведение и поступки своих героев в условиях социально-политических перемен в обществе. Например, каинчинские «маленькие люди», как и кокышевский герой – типы социальные, и их поведение зависит от общественной системы, хотя они могут быть как слабыми, так и сильными. В произведениях Д. Б. Каинчина и Е. Г. Гущина на первый план выходит бережное отношение к земле, вместе с тем, диалогичность двух «я» в герое – инстинктивного (природного) и интеллектуально-нравственного (цивилизованного) начал – прослеживаются в эпизодах спасения Капшуном овец от стихии природы у Дибаша Каинчина или поездки студентов-комсомольцев Т. Б. Шинжина в снежную зиму в отдаленные стойбища. Мотивы денег, внезапного обогащения впервые открыто проявляются в поэме «Туба́» Л. В. Кокышева, затем в незаконченном романе «Удалу» С. С. Суразакова и наиболее ярко в рассказе «Яманка и Якшилар» Д. Б. Каинчина, указывая на влияние денег на души людей.

В параграфе 2.4. «Психологизм в прозе Д. Каинчина, Б. Укачина, Т. Шинжина и С. Суразакова» рассматриваются факторы, определяющие своеобразие психологизма в алтайской прозе. Психологизм и постижение внутреннего мира героев произведений для алтайского литературоведения является вопросом крайне важным, поскольку до настоящего времени он остается до конца не изученным. В ранней прозе Д. Б. Каинчина приемы психологизма наблюдаются в небольшом рассказе «Ай эски тўн» («Ночь в старую Луну», 1980), где выделяется маркированная частотность употребления слова «сыгырт» («свист»), а также слов с такими семантическими категориями как маленький, большой, замирание, низ, огонь/пламя, звуки (топот, свист, скрип, звук от удара кнута, тишина). Усиление психологизма заложено уже в заглавие рассказа: «Ай эски тўн» («Ночь в старую луну»).

⁴¹ Палкина, Р. А. Проза. // История алтайской литературы. Кн. 2. – Горно-Алтайск, 2004. – С.71.

⁴² Кокышев, Л. В. Туба. – Горно-Алтайск, 1974. – С.18.

Известно, что алтайцы очень внимательно следят за фазами луны и стараются все массовые мероприятия планировать в соответствии с лунным календарем (праздники, свадьбы, юбилеи проводить в новолуние). Со старой лунной связано множество табу, так как считается, что именно в старую луну выходит вся нечисть, поэтому не разрешается в такие дни детям играть вечером допоздна, ночью и т.д. В качестве иллюстрации нами проанализировано сюжетно-композиционное построение рассказа, образы мальчика Момыйя и его обидчика Казрана, их поступки в непредвиденных ситуациях.

В рассказе «Боцман» (1985) Б. У. Укачин использует портрет как одну из форм изображения психологической характеристики персонажа, акцентирует внимание на деталях внешнего облика героя, несущих дополнительную информацию о его мыслях и чувствах. Если портретная характеристика Эрмена Эрменовича дается через восприятие второстепенных персонажей – взрослого человека и ребенка, то портрет молодого врача-стоматолога передается через ее внутреннее состояние: «Ее круглое и красивое лицо было побледневшим», «ее глаза наполнились тенью грусти», «стояла как вкопанная», «улыбнулась, обнажая свои белоснежные молодые зубы», «по-детски невинно улыбнулась», «смотрела испуганно», «казалось, вот-вот она кинется с места».

В повести «Кырлык сулардын кожоны» («Песни горных рек») Т. Б. Шинжина поведенческие характеристики главных героев рассредоточены по всему тексту. Например, при упоминании имени бабушки поведение Санаа и его поза резко меняются – он потянул на себя скрещенные ноги, освободил зажатые под мышками руки, обе ладони положил на колени. Так прозаик доводит до читателя движение души героя.

Исследование формирования этнопсихологической прозы в алтайской литературе проведено на материале незаконченных романов «Чөббөлкөп» и «Улалу» («Чевалков» и «Улала», 1985) С. С. Суразакова, романа-дилогии «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над нами Белуха», 1986, 2003) Д. Б. Каинчина. Мы отмечаем, что С. С. Суразаков в своих произведениях намеренно ставит акцент на предметно-образительных деталях, очень ярко выделяя их, например, в эпизодах крещения алтайцев. Прозаик шаг за шагом прослеживает процесс внедрения в сознание и быт алтайцев новых идей и принципов. В романе «Улалу», определив главные бинарные оппозиции: айыл/юрта – «свой», а изба (дом) – это «чужое», автор через них изображает трансформацию общественного сознания. Новая религия требовала жить в избах, но алтайцы рядом с ними строили традиционные национальные жилища, так как был необходим очаг (отказ от почитания огня был немыслим) и открытое небо над головой (түнүк-дымоход). «Чужое», которое появилось на Алтае в первой половине XIX в., прочно входит и укрепляется в начале XX в. (советская власть, коллективизация), и продолжает сосуществовать в настоящее время уже как обжитый «свой» мир: айыл/юрта + дом/изба – неперемный атрибут жилища современных алтайцев.

В романе Д. Б. Каинчина через схватки противоборствующих героев (шаман Карбыш и отец Микола) обозначено напряженное противостояние, где мастерски переплетаются разные типы психологических деталей: внеш-

ние – пейзаж (столкновения противоборствующих героев происходит темной ночью, в ущербную луну); портретные детали (поведение, внешнее описание героев, мимика и жесты и т. д.). При столкновении двух противоборствующих героев в невербальном диалоге наблюдаются еще и паралингвистические элементы: смех и др. При помощи художественных деталей автор обозначает динамику внутренней жизни героев, их чувства, страхи, переживания, мысли.

Таким образом, в рассмотренных рассказах наблюдается художественное осмысление психологической составляющей личности литературного персонажа как результат глубоких поисков Д. Б. Каинчина, Б. У. Укачина и Т. Б. Шинжина, С. С. Суразакова. Произведения этих писателей направлены на художественное осмысление острых социальных и социально-нравственных конфликтов, в них высвечиваются характеры – через этнопсихологические детали, способствующие воссозданию национальной и индивидуально-образной картины мира, утверждению противоречивости взглядов людей, разных культур и менталитетов народов, проживающих на Алтае в начале XX в. Все компоненты бинарной оппозиции, приведенные в качестве примера в исследуемых романах, обладают как положительными, так и отрицательными чертами.

Параграф 2.5. «Изображение детских характеров в произведениях Л. Кокышева и Д. Каинчина» посвящен исследованию мира детей и взрослых, в их неразрывной связи, взаимодополнении, помогающих раскрытию мирознания детей и мироощущения самих авторов. Мы отмечаем включение в произведения Л. В. Кокышева и Д. Б. Каинчина фольклорно-мифологических и этнографических мотивов как один из приемов изображения детей и мира детства в алтайской литературе второй половины XX в. Наличие этих мотивов становится наиболее ярким показателем духовно-нравственного состояния общества в определенные исторические этапы и несет особую эмоционально-смысловую нагрузку. Но такой поиск новых путей и художественных средств был подвергнут критике. В частности, отмечалось, что описания предметов бытовых реалий с нажимом на этнографизм и т.п. вызывает отрицательное отношение, критики увидели в этом попытку восхваления «проклятого» прошлого, тенденции на самоизоляция народа. «И лишь с 60- х гг., с приходом плеяды молодых писателей начался новый этап взросления алтайской литературы, в ней органично переплетаются изобразительные средства фольклорной поэтики с новыми проявлениями художественного слова»⁴³.

С помощью фольклорных и этнографических средств Л. В. Кокышевым идеально сконструирован сюжет о мальчике Кара, который поражает своей стройностью, гармоничностью и глубиной смысла (справедливость, добро, вера, милосердие). Детское любопытство относительно кукол-оберегов приводит мальчика к конфликту со взрослыми, которые не попытались понять истинную причину резкой перемены в характере ребенка и мотивы его поступков. Фольклорно-мифологические мотивы обусловлены фактами из

⁴³ Казагачева, З. С. Опыт прочтения прозы Д. Каинчина в ракурсе эпических традиций // Сөстин јурукчызы. – Горно-Алтайск, 2002. – С. 19.

биографии самого писателя (прототипом Карá является сам автор). Через воспоминания мальчика в текст вводится сказка о кукушке (не подвергшаяся каким бы то ни было трансформациям) и мотив о золотом змеином яйце – «алтын толотко».⁴⁴ Известно, что в мифологии многих народов яйцо олицетворяет Мировое яйцо, образ-символ которого выражает промежуточное состояние между хаосом и миропорядком.

В рассказе «Талкан» (1984) Д. Б. Каинчина нами акцентируется внимание на слове-символе «зерно», что служит отправной точкой развития сюжета (сон). Воспоминания героя о драгоценном зерне ячменя завершаются введением в текст генеалогического мифа о Богине Умай-Эне. Устами матери раскрывается великая тайна природы, тайна материнства: богиня с неба спустилась к нашему дымоходу и бросила в пиалу зернышко ячменя, из этого зернышка ты и вырос сыночек. Обращение писателя к мифу способствует идейно-эстетическому своеобразию и целостности исследуемого рассказа. Автор погружает главного героя в иную реальность, где его память фрагментами сохранила наиболее яркие эмоционально окрашенные события как позитивного, так и негативного ряда из детства.

Итак, в рассмотренных произведениях через призму времени осуществляется эволюция оценочных суждений главных героев. Стремление мальчика Карá познать мир (Л. Кокышев) или стремление Сабу́ (Д. Каинчин), навсегда покинуть место, где прошлое связано с постоянным чувством голода во время Великой Отечественной войны (голод «выгоняет» детей, невзирая на погоду, по зернышку собирать с полей остатки урожая), в настоящем превращается в сон, а будущее наблюдается в настоящем. Взгляд маленьких героев на действительность, абсолютно свободный от идеологических норм и стереотипов своего времени, позволил авторам выстроить событийный мир своих произведений, выразить актуальность и востребованность нравственных ценностей через ценностно-мотивированное отношение к ним детей.

В параграфе 2.6. «*Экспрессивная функция имен и фамилий в творчестве Д. Каинчина*» рассматривается роль личного имени, данного автором герою в социальном аспекте: как одна из основных предпосылок реалистичности произведений, а также с точки зрения соответствия использованных собственных имен закономерностям национальной ономастической системы. Отмечается, что каждая историко-культурная эпоха располагает свойственными ей идейно-эстетическими принципами использования имени и специфическими формами его функционирования. Разобраться в многообразии имен и выявить их функции в произведениях Д. Б. Каинчина непросто. Как считает исследователь Г. П. Самаев, многие тюркские этнические имена изменили за столетия свою форму, и в качестве примера он приводит название крупнейшего алтайского сёбка/рода мундус, к которому принадлежит Д. Б. Каинчин. Этот род широко представлен у современных кыргызов и «присутствовал, видимо, среди огузских племен в средние века под именем *бугдуз*. Исследователи почему-то не обратили внимания на их сходство, хотя

⁴⁴ Кокышев, Л. В. Арина // Алтайдын кыстары. – Горно-Алтайск, 1980. – С. 66.

по правилам тюркской филологии переход формы *бугдуз* в *мундуз* вполне возможен»⁴⁵. Мотив о небесном происхождении рода мундус из градинки является очень древним и часто встречается в произведениях Д. Б. Каинчина. Нами акцентируется внимание на том, что в этнической картине мира алтайцев важно владеть сакральными знаниями о своем роде, которые позволяют точно узнать свою нишу в этой мозаичной картине. И в настоящее время в алтайской семье родители учат своего ребенка произносить сначала свое имя, затем называть свой сөбк / род-племя.

В художественном пространстве Д. Б. Каинчина выделяется топоним «Корболу» («корбо» с алтайского языка переводится как побеги дерева, кустарника; «Корболу» – значит с побегами). Так называется вымышленное село, откуда родом все герои прозаика (родное село писателя – Экинур), где всегда присутствует образ-символ горы Кодьогор. В повести «*Жылдыстар когы*» («Пепел звезд», 1994) наблюдается тяготение к космическим образам (Небо, Тенгри, Луна, Солнце, Звезды) и доминирование имен, несущих световую символику: Ак-Күн – «Белое Солнце» (каган), Күн Уулы – «Сын Солнца» (отец кагана), Алып-Нере – «Богатырь-Герой» (сын кагана), который стремится получить имя Изү Күн – «Горячее Солнце», Ойгурул («Мудрый парень») и др. Эти имена излучают свет и тепло, тем самым как бы притягивая других героев. В них выражаются воспринятые от традиционного имянаречения эмблематичность и многозначность.

Мы приходим к заключению, что имена собственные в произведениях Д. Б. Каинчина обладают важнейшими функциями организации символического, а не событийного сюжета произведения. Любое имя в его творчестве включает в себе значительную информацию о семье, роде, традиции, несет на себе определенную ярко выраженную смысловую нагрузку и предсказывает судьбу, формирует истинный, идеальный образ героя. В произведениях встречаются имена, обладающие определенным скрытым ассоциативным значением, способные передавать местный колорит, отражают историческую эпоху, к которой относится действие художественного произведения.

Третья глава «**Мифопоэтические традиции: национальные образы-архетипы и образы-символы в творчестве Д. Б. Каинчина**» посвящена исследованию мифопоэтических традиций, пространственно-временной организации художественных текстов, в отдельных разделах широко представлена система национальных культурных кодов, архетипов, образов-символов, отмечены типологические и генетические переклички образов шаманов в алтайской, тувинской и якутской литературах.

Параграф 3.1. «*Особенности пространственно-временной организации в повести «Жылдыстар когы» («Пепел звезд») Д. Каинчина*» посвящен исследованию мифопоэтической модели мира, формированию единого образа времени, имеющего мифологический характер, который не вытесняет само объективное историческое время. Главными космогоническими оппозициями в повести являются Тенгри – Небо и Дьер-Суу – Земля как

⁴⁵ Самаев, Г. П. Легендарный Ергенекон // Алтай – духовное измерение. – М., 2016. – С. 92.

система объективных оппозиций, выступающие мифопоэтической анти-тезой («твердь неба» – «твердь земная», «на Небе Синеве – Бог, на Земной Тверди – Каган» и т.д.). Оппозиция Земля-Небо представлена уже в эпиграфе произведения образами-символами («небо» – «беркут», «земля» – «балбал или каменное изваяние»), круговое движение птицы, символизирующее вечную жизнь). Протянувшись через все художественное пространство повести, она достигает высокой точки в эпилоге, как бы завершая кольцевую композицию произведения. Наблюдается неразрывная, двуединая связь диахронии и синхронии как неотъемлемой черты мифопоэтической модели мира.

«Исторические» предания вместе с генеалогическими схемами, схемами родства и брачных отношений образуют как бы временной диапазон социума, выраженный в терминах поколений, – от предков в прошлом до потомков в будущем. Поэтому, миф, как и мифологизированное «историческое» предание, совмещает в себе два аспекта – диахронический (рассказ о прошлом) и синхронический (средство объяснения настоящего, а иногда и будущего)⁴⁶. В повести границы миров носят подвижный характер как в горизонтальном направлении, так и вертикальном. Писатель воссоздает наиболее полную картину быта и уникального духовного опыта своего этноса как представителей древних тюрков, включая в него часть культурного поля далекого исторического прошлого.

В мифопоэтической модели мира произведения оппозицию «верх-низ» выражает «мировая ось», вертикаль, которая **связывает** абсолютный верх (отмеченный как «Алтын-Казык» – Полярная Звезда (Золотой Кол)) с Долиной Великих Каганов. К примеру, возвращение из плена Ойгорула связано с его наблюдением за Полярной Звездой как стержнем мироздания. Мифопоэтическое мышление древних тюрков рассматривало Полярную Звезду как кол, вбитый в середину неба, вокруг которого ходят звезды, и, соответственно, своей проекцией на землю определяющий ее центр. Для них это место стало местом закладки святилища – местом захоронения каганской династии всех поколений.

Таким образом, писатель в повести поднимает актуальную проблему современного мира – национальную идентичность в поликультурном мире, для выражения которой выбрано мифопоэтическое миромоделирование на основе мифопоэтической традиции тюркских народов. Как известно, национальный характер любого народа обусловлен особенностями его мировидения и миропонимания. Мифы в повести представлены в их нравственно-социальной, философской концепции. Воссозданная Д. Б. Каинчиным мифопоэтическая модель мира отражает мифосознание, реализованное в системе образов-символов и других поэтических категорий

В параграфе 3.2. «*Мифологема воды в алтайской литературе*» уделяется внимание этому элементу поэтики как метафоре жизни-реки. Мифологема воды как образ-олицетворение и образ-символ или архетипический

⁴⁶ Топоров, В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. – М., 1980. – С. 161–166.

образ Дьер-Суу (Дер-Суу или Йер-Су) как олицетворение культа воды и земли, наиболее ярко и глубоко представлены в таких произведениях алтайских прозаиков, как повесть «Ол жараттан» («С того берега», 1980), рассказах «Кёзибисте Кёк-Кайа» («В глазах наших Синяя скала», 1989), «Экүлөп жүрген бир жүрүм» («Одна жизнь, прожитая вдвоем», 2011) Д. Б. Каинчина и романе-дилогии «Кадын жаскыда» («Катунь весной», 1985, 1987) К. Ч. Телесова. Если в романе К. Ч. Телесова образ Катунь выступает как символ народной жизни периода активного строительства социализма, ассоциирующийся с течением полноводной весенней реки, то в произведениях Д. Б. Каинчина маркер водного пространства становится сакральным центром Вселенной, где образ реки насыщен мифопоэтическими, символическими, этнопсихологическими, лирическими значениями и является одним из самых известных и емких образов. В рассказе «Экүлөп жүрген бир жүрүм» выявляются художественный мифологизм, который обозначает многообразные варианты присутствия мифа в литературном произведении как в форме заимствованных автором, так и созданных им самим мифологических сюжетов, мотивов, образов. В исследованных произведениях наблюдается тяготение к условно-метафорическому языку и мифологической образности. В частности, справедливо будет отметить неомифологическую тенденцию в творчестве Д. Б. Каинчина, характерную и для других национальных литератур XX в., как сложное многоаспектное явление, нашедшее яркое отражение в творчестве таких писателей как М. Булгаков, А. Платонов, Ч. Айтматов, В. Распутин и др.

Таким образом, сплав мифологического и литературного, или органическое взаимодействие мифа и литературы демонстрирует расширение и углубление художественного потенциала искусства слова, обогащая содержательностью и изобразительностью прозу Д. Б. Каинчина.

Параграф 3.3. «Цветобозначения как образы-символы в прозе Д. Каинчина и А. Адарова» посвящен исследованию цветописы (символики белого и голубого/синего) в романе-дилогии «Ўч-Сүмер алдында» («Под Белухой», 1986) и «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над нами Белуха», 1997–2003)

Д. Б. Каинчина и «Өлүмнин чанкыр кужу» («Синяя птица смерти», 1993) А. О. Адарова. Писатели в своих произведениях подтверждают, что в художественной литературе Горного Алтая и устной поэзии алтайцев доминирующую позицию занимают белый, бело-синий, синий/голубой и сине-голубой цвета, являясь основными в выражении национального миропонимания и религиозного мировоззрения коренного этноса и многих тюркских народов. Приобретая метафорическое значение, они присутствуют в названиях исследованных произведений, в жизни героев, а также в картинах природы.

В романе-дилогии Д. Б. Каинчина белый цвет встречается зашифрованным в различных деталях и элементах, которые хорошо известны алтайцам и другим этносам, проживающим в Республике Алтай (мифы и предания, топонимы, религиозные и ритуальные предметы), а в романе А. О. Адарова преобладают сине-голубые цвета, и их палитра в художественном пространстве романа разнообразна. Здесь синий и голубой (иногда бирюзовый) цвета

часто не различаются, объединяясь как «кӱк» (синие скалы, синие небеса; темно-синие или небесные глаза, синий туман, синий огонек, голубая/синяя долина, синяя река, иголки синего льда и т. д.). Роман буквально насыщен оттенками синего и голубого.

Таким образом, в данном параграфе мы пришли к выводу, что в художественной литературе и устной поэзии алтайцев белый, бело-синий, синий/голубой и сине-голубой цвета являются сакральными. Из этого следует, что цветовая символика белого и синего/голубого (сине-голубого) цветов для алтайского народа является наиболее предпочитаемой и носит не только сакральное значение в мифологии, фольклоре и литературе, но и отражается в государственной символике Республики Алтай как «этнические и этнопсихологические кодовые знаки, определяющие самобытность мироощущения тюрков и их культурного наследия»⁴⁷.

В параграфе 3.4. «Сюжеты о шаманах в произведениях алтайских писателей» рассмотрена тема шаманизма в произведениях алтайских художников слова: рассказ «Баш ла болзын, үй кижин...» («Благодарю тебя, женщина...», 1980), романы «Үстибисте Үч-Сүмер» («Над нами Белуха») Д. Б. Каинчина и «Олүмнин чанкыр кужу» («Синяя птица смерти») А. О. Адарова, поэма «Камнын тунүри» («Бубен шамана», 1993) Б. У. Укачина в сопоставлении с романами «Судьба шаманки» (2016) тувинского писателя М. Б. Кенин-Лопсана и «Хара Кыталык» («Черный стерх», 1984) якутского прозаика И. Гоголева-Кындыл. В работе впервые исследованы образы, эпизоды и сюжеты о шаманах, их сакральный вещный мир в прозаических и поэтических корпусах художественных произведений алтайских писателей, выявлены генетически и типологически родственные сюжеты в сопоставлении с произведениями тувинских и якутских писателей. В сравнительно-сопоставительном аспекте рассмотрены авторские стратегии в изображении образов шаманов. Обращается внимание на сцены шаманских мистерий, жанровые и языковые особенности литературных камланий (повторы, анафоры, синтаксический параллелизм, экспрессивные слова), «вещный мир шаманов» (ритуальная атрибутика), сюжеты и эпизоды, также представления о Вселенной и мироустройстве. Выявлены этнокультурные особенности образа шамана в исследованных произведениях, генетическая связь шаманских сюжетов – этнографические реалии и традиционная шаманская ритуальная атрибутика как маркеры мотивов выполняют сюжетобразующую функцию повествования (вещный мир шаманов как художественная индивидуализация героев и единая система предметного мира).

В параграфе отмечены и типологические связи: гонения и истребление шаманов в период Джунгарского ханства наблюдаются в произведениях Д. Б. Каинчина и Б. У. Укачина; борьба с шаманизмом в советский период находит художественное отражение в произведениях М. Б. Кенин-Лопсана, Д. Б. Каинчина, А. О. Адарова, Б. У. Укачина, И. М. Гоголева-Кындыл, где

⁴⁷ Бакиров, М. Х. Семантика цвета в контексте истории, искусства и художественной словесности тюрков // Филология и культура. Philology and culture. – Казань, 2015. – № 1 (39). – С. 114–119.

раскрывается жизнь начала XX в., периода революции, гражданской войны и репрессий, описываются сложные судьбы шаманов. А в эпоху перемен в 1985–1990 гг. и на рубеже XX–XXI вв. национальные писатели переносят в художественную литературу образы и сюжеты о шаманах XVI, начала XVIII и XX вв. из мифов, народных легенд и преданий, так образ шамана становится сквозным для всех периодов развития алтайской литературы.

Таким образом, в исследованных произведениях наблюдаются вкрапления в художественную канву произведений мифов и преданий, выполняющих сюжетообразующую и характерологическую функцию, а также функцию индивидуализации героев. В творчестве писателей алтайской, тувинской и якутской литератур камлание является значимым структурным элементом фабульно-сюжетной системы и элементом поэтики произведений.

Параграф 3.5. *«Мотив земного и вечного в поздних рассказах Д. Б. Каинчина: образ рая и ада»* посвящен исследованию мифологемы рая («Ўстиги Ороон») и ада («Алтыгы Ороон») в рассказах Дибаша Каинчина, что стало новым явлением в алтайской литературе. Своеобразие «рая» и «ада» в рассмотренных произведениях проявляется, прежде всего, на концептуальном уровне: их трактовка неоднозначна, а интерпретации имеют разную природу. В рассказе «Как Болот в космос летал» образ рая отражает национальную картину мира и восходит к алтайской мифологии. В произведении «Как Герася у нехристей ночевал» (1986) рай связан с библейскими (новозаветными) мотивами, а авторская позиция – с лесковской концепцией праведничества. В рассказе «А горы-то наши остались» (2012) рай – это любовь, мирная жизнь, созидательный труд, а ад – это ненависть, война, разруха. То есть рай, и ад – грани земной жизни. В небольшом произведении «Наш счастливый бег» приводится рассуждение автора о категории жизни и смерти, о человеческом бытии, о своем месте в этом мире. В повести «Көстөрүмө туулар көрүңзин» («Пусть глазам моим покажутся горы», (1993) рай – это истинная земля предков алтайцев, куда уходят из нашего мира люди, выполнившие на этой земле свою миссию. Рай представлен как «чын Алтай» («истинный Алтай»), «ак чечектү Алтай» («с белыми цветами Алтай»), «ада-өбөккө жери» («земля предков»). Наконец, в рассказе «Рай» (2018) автор приходит к мысли, что жизненные цели и дела человека – это путь либо в рай, либо в ад, здесь человек торит себе дорогу сам. Все эти столь разные интерпретации образов рая и ада объединены общим идейным содержанием: с раем связаны темы и мотивы добра, любви, труда, мирной жизни, красоты; с адом – темы и мотивы ненависти, вражды, войны, разрухи, страданий.

Итак, рай и ад у Д. Б. Каинчина – это либо ментальные образы, восходящие к мифологическим или библейским представлениям, либо психологическое / психическое состояние счастья, радости или страдания.

В параграфе 3.6. *«Поэтика авторских сказов и сказок Дибаша Каинчина»* рассматриваются литературные сказки прозаика и отмечается взаимосвязь фольклора и литературы. На наличие реального в литературных сказках указывают их жанровые определения: «куучын-чөрчөк» («сказка-

рассказ»), «чөрчөкти ээчий» («вслед за сказкой»), «чөрчөкting кийнинде» («после сказки»), «тууҗы-чөрчөк» («поэма-сказка») и «сказочная повесть». В диссертации нами предложена их условная классификация по тематическому принципу: познавательно-дидактические, волшебные, социальные, бытовые, социально-бытовые, сказки о животных, экологические и сатирические сказки и кумулятивная (рекурсивная или цепевидная) сказка-поэма. К жанру литературных сказок и сказов писатель обратился на склоне лет, в период общественно-политических преобразований в стране.

В параграфе также уделяется внимание энтомологическим мотивам в сказке-рассказе для взрослых «Өлө тараканның җыргалда болгоны» («Как пятнистый таракан на празднестве побывал», 1973) Л. В. Кокышева и «Сказании о пауке Стальной Крюк, про моль по имени Мользабель» Д. Б. Каинчина. Все события в произведении Д. Б. Каинчина тоже происходят в мире насекомых, а главные герои – Жөргөмөш (Паук) и Күйе (Моль). Сказка построена на чередовании символики созидания и разрушения: образ паука – символ созидания, образ моли – это устрашающий символ разрушения. Все богатство паука Стальной Крюк – «паучья нить-слюна», а девиз всей его жизни: «Длиньше нить – больше сетей, больше сетей – больше добычи, больше добычи – больше паучат и – лучше жизнь». Но в данной сказке все гораздо сложнее: тkanie нити – созидание, заглатьвание добычи – уничтожение, разрушение... Как известно, во многих мифопоэтических традициях паук является причастным к основам мироздания. В композиции произведения важными являются и строки, устами кайчи-сказителя упоминающие каганат (отсылка к древнетюркскому периоду). Автор использует традиционные поэтические приемы сказителей, указывает локус родины паука, отражает быт и некоторые этнографические реалии сказочной среды: подошву родовой горы Сюмер, Беломолочное озеро, войлочная юрта и т.д.

Итак, если в сатирической сказке-рассказе для взрослых Л. В. Кокышева через мягкий юмор высмеиваются человеческие недостатки и пороки, то в литературных сказках Д. Б. Каинчина отражено мировоззрение народа и его философия. Автором используются приемы сновидений как способ создания квазиреальности, где наблюдается отсутствие четких границ между сном и явью, вводится особый хронотоп, символические образы (моль и паук), символика света. Д. Б. Каинчин, индивидуализируя героев сказки, все же отсылает читателей к сказкам М. Е. Салтыкова-Щедрина и морали басни «Стрекоза и Муравей» И. А. Крылова и «Себиске ле Чымалы» в переводе М. В. Чевалкова, которые здесь играют важную роль, приближая сказку к басне. Писателем создан гротескный мир, в иносказательной манере высмеиваются пороки общества на рубеже веков.

В Заключении подводятся итоги диссертационной работы и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Национальное своеобразие алтайской прозы прослеживается нами на протяжении второй половины XX – начала XXI в. в контексте развития алтайской литературы. Автор диссертации не претендует на достижение окончательных результатов: исследование прозы Д. Б. Каинчина и других

алтайских писателей-современников продолжается. И тем не менее, выполненная работа позволяет нам сделать следующие выводы:

В работе сопряжены важные для современного литературоведения аспекты: внимание к литературам малочисленных народов России, глубокий анализ творчества ведущих авторов и их произведений и контекстуальное исследование творчества писателя как самые востребованные подходы в гуманитарных науках, в литературоведении, обеспечивающие глубокое понимание художественного текста в соответствии с национальными кодами культуры своего этноса. Нами рассмотрено национальное своеобразие алтайской литературы через зеркало этнической уникальности и особенностей развития художественных культур в регионе.

Национальное своеобразие прозы Д. Б. Каинчина рассматривалось во взаимосвязи с литературным контекстом, с внешними явлениями, событиями в жизни народа и страны, оно указало на многообразные «горизонтальные» и «вертикальные» связи его произведений с литературными реалиями, типологическое сходство и диалогичность с произведениями писателей-современников (алтайской, русской, тувинской и якутской литератур).

В ходе диссертационного исследования были рассмотрены общие проблемы творческого метода и поиска жанрово-стилевых форм, новых героев в алтайской прозе. Свообразие художественных методов писателей, жанровый облик всей алтайской литературы исследуемого периода позволяет ставить вопрос о соотношении национального художественного опыта с инонациональным. Алтайская проза по идейно-эстетической и духовной значимости и придала ее дальнейшему развитию качественно новый вид, это наблюдается в активном поиске ранее не освоенных пластов художественного изображения. Алтайскими писателями уделено большое внимание развитию исторической, историко-философской, художественно-публицистической, социально-бытовой, любовно-философской и иронической прозы (рассказы, повести и романы А.О. Адарова, Л. В. Кокышева, Б. У. Укачина, Д. Б. Каинчина и др.).

Погружение в контекст прозы исследуемого периода показало, что творчество Д. Б. Каинчина является идейно-эстетическим феноменом историко-литературного процесса национальной литературы Горного Алтая. Он – выдающийся писатель не только для алтайской литературы второй половины XX – начала XXI в., но и других литератур народов Сибири, активный общественный деятель, публицист, автор поэтических и драматических произведений, великолепный переводчик. Его по праву называют одним из достойных представителей деревенской прозы в кругу писателей этого направления в русской литературе (В. Распутин, В. Астафьев, Е. Гуцин, В. Белов, В. Шукшин и др.).

Через все творчество писателя протянулась нить исторической памяти: от древнетюркского периода – до современности. К реконструкции мира древних тюрков обращены повести «Жылдыстар когы» («Пепел звезд», 1994), «Ченелте» («Испытание», 2000), древнерусская тематика звучит в повести «Кыпчак кезер Тударкан-алып керегинде сөс» («Слово о кыпчакском кезере Тударкан-алып», 2010), появление казахской диаспоры на территории Горного

Алтая показано в произведении «Кийнимде – калыгым» («Позади меня мой народ», 2007). В его прозе воссозданы страницы истории СССР через наиболее значимые исторические вехи: Гражданская война, коллективизация, репрессии 1937 г., Великая Отечественная война и др. Квинтэссенции пережитых страданий, истории как присутствия прошлого в настоящем, времени как потока, безвозвратно уносящего в прошлое события, людей, политические режимы наиболее ярко отразились в триптихе «Вера. Любовь. Надежда» (2004), новелле «Возвращение Тита Тырышкина – красноармейца по имени «Горный барс» (1994), романе-диалогии «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над нами Белуха», 1986, 2003), повести «Адалар јоль» («Дорогой отцов», 1989).

В своих произведениях конца XX – начала XXI в. писатель обращается к реалиям современной действительности, поместив персонажей в широкий социально-политический и культурный контекст эпохи. В характерах каинчинских героев преломляются типичные национальные черты. Вместе с тем, национальное своеобразие прозы Д. Б. Каинчина заключается также и в синтезе локального и глобального, социального и онтологического, в обращении прозаика к всечеловеческому осмыслению этнической самобытности и национальной картины мира алтайцев. Следовательно, категория «национальное» в творчестве писателя отражает специфику художественного мышления автора, в которой как единое целое взаимодействуют этнические и общечеловеческие начала.

Комплексный анализ принципов и приемов психологического изображения в прозе Д. Б. Каинчина в аспекте творческого диалога с произведениями алтайских писателей позволил определить формирование психологической прозы в алтайской литературе и основные критерии углубления психологизма, направленные на выявление особенностей менталитета и психологии этноса. Среди мировоззренческих установок наиболее важными оказались восприятие бытия в единстве жизни и смерти, жизни как продолжения традиций рода и народа, «вечного возвращения», родины как места силы, смерти как последней возможности исправления ошибок, совершенных при жизни. В произведениях алтайских прозаиков подчеркивается, что изменить мир к лучшему может сам человек, опираясь на свои духовные силы, или при помощи других, родственных по духу людей.

Со второй половины XX в. основой в художественном мышлении писателей Горного Алтая (Горно-Алтайской автономной области, затем и Республики Алтай) становится этно-философский дискурс в освещении проблем этнокультурного возрождения коренных народов. В современной алтайской литературе, в частности, в творчестве Д. Б. Каинчина, художественная картина мира воссоздается с опорой на мифологические воззрения алтайцев, мифопоэтические мотивы и образы, многозначные символы и архетипы, затрагивая наиболее востребованные временем темы и проблемы духовности общества.

В настоящее время нами выделены два перспективных направления дальнейшего развития каинчиноведения. Первое – изучение прозы писателя в системно-целостном ракурсе (в контексте алтайской литературы вто-

рой половины XX и начала XXI в.) с точки зрения идейно-тематического, аксиологического, системно-образного и жанрово-стилевого своеобразия. Второе направление – исследование особенностей языка и стиля прозы Д. Б. Каинчина (лингвостилистический анализ), который позволит выявить особенности эстетического функционирования речевых средств, их роль в формировании национальной картины мира. Язык как выражение национальных, ментальных, духовных, историко-культурных черт алтайского народа являлся предметом художественного и публицистического осмысления писателем на протяжении всего творческого пути.

Таким образом, творческий путь и поиски выдающегося народного писателя Республики Алтай прозаика Дибаша (Семена) Беруковича Каинчина (1938–2012) совпадают с магистральной линией развития алтайской литературы второй половины XX – начала XXI в., для которой основной тематикой всегда была родная земля и её люди, человек и природа, вечные вопросы бытия, духовный мир родного этноса, поиск собственных корней, сохранение национальных традиций и осмысление места человека в жизни.

Материалы и результаты диссертационного исследования изложены в научных публикациях:

Монографии:

1. Теменова, У. Н. Художественный мир Дибаша Каинчина / У. Н. Теменова. – Горно-Алтайск, 2012. – 179 с.
2. Теменова, У. Н. Литературанынг телекейинде / У. Н. Теменова. – Горно-Алтайск, 2013. – 144 с.
3. Теменова, У. Н. Л. В. Кокышевтин чүмделгези: литература билим кычырыш / У. Н. Теменова. – Горно-Алтайск, 2013. – 164 с.
4. Теменова, У. Н. Проза Дибаша Каинчина: новые аспекты изучения / У. Н. Теменова. – Горно-Алтайск, 2018. – 160 с.

Статьи в рецензируемых научных журналах, входящих в реестр ВАК МОиН РФ:

5. Теменова, У. Н. Идейно-художественные искания алтайских писателей конца XX начала XXI веков в жанре рассказа (на примере произведений Б. Укачина и Д. Каинчина) / У. Н. Теменова // Мир науки, культуры, образования: международный научный журнал. – Горно-Алтайск. – 2017. – № 6 (67). – С. 586–590. К–1.
6. Теменова, У. Н. О функциях имен собственных в произведениях Дибаша Каинчина / У. Н. Теменова // Мир науки, культуры, образования: международный научный журнал. – Горно-Алтайск. – 2017. – № 6 (67). – С. 590–593. К–1.
7. Теменова, У. Н. Психологизм и внутренний мир человека в рассказе «Яманка и Якшилар» Дибаша Каинчина / У. Н. Теменова // Мир науки, культуры, образования: международный научный журнал. – Горно-Алтайск. – 2018. – № 2 (69). – С. 662–666. К–1.
8. Теменова, У. Н. Мифопоэтическая модель мира в повести «Жылдыстар когы» – «Пепел звезд» Дибаша Каинчина / У. Н. Теменова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – Якутск. – 2018. – № 3. – С. 131–142. К–2.

9. Текенова, У. Н. Идейно-тематическое и жанровое своеобразие рассказа «Любовь коммуниста Ивана Гомзина» Д. Каинчина / У. Н. Текенова // Филология и человек. Научный журнал. – Барнаул. – 2018. – № 1. – С. 86–96. К–2.

10. Текенова, У. Н. Эпические произведения Дибаша Каинчина: сравнительный аспект / У. Н. Текенова // Филология и человек. Научный журнал. – Барнаул – 2018. – № 3. – С. 88–102. К–2.

11. Текенова, У. Н. Последняя надежда ссыльного Евсея Боровикова» Д. Каинчина: судьба человека на переломах истории / У. Н. Текенова // Филология и человек. Научный журнал. – Барнаул. – 2018. – № 4. – С. 48–62.

12. Текенова, У. Н. Мифологема воды (реки, моря, океана) в алтайской литературе (на примере произведений Д. Каинчина и К. Телесова) / У. Н. Текенова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – Якутск. – 2020. – № 2 (76). – С. 108–120. К–2.

13. Текенова, У. Н. Тип «маленького человека» в алтайской литературе второй половины XX и начала XXI вв. (на примере произведений Д. Каинчина и Л. Кокышева) / У. Н. Текенова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – Якутск. – 2020. – № 4 (78). – С. 107–114. К–2.

14. Текенова, У. Н. Фольклорно-мифологическая основа детского мирознания в произведениях Л. Кокышева и Д. Каинчина / У. Н. Текенова // Вестник Костромского государственного университета. – Кострома. – 2019. – Т. 25. № 3. – С. 176–180.

16. Текенова, У. Н. Рай («Ўстиги Ороон») и Ад («Алтыгы Ороон») на материале произведений Дибаша Каинчина / У. Н. Текенова // Филология и человек. Научный журнал. – Барнаул. – 2021. – № 3. – С. 102–116. К–2.

17. Текенова, У. Н. Тема военного детства в алтайской литературе второй половины XX в. (на примере произведений Л. Кокышева, Б. Укачина, Д. Каинчина и др.). У. Н. Текенова // Вестник Костромского государственного университета. – Кострома. – 2021. – Т. 27. № 3. – С. 210–222. К–2.

18. Текенова, У. Н. Своеобразие художественного психологизма в произведениях С. С. Суразакова и Д. Б. Каинчина / У. Н. Текенова // Филология и культура. Philology and Culture. – Казань. – 2021. – № 4 (66). – С. 236–242. К–2.

19. Текенова, У. Н. Проблема передачи индивидуального стиля писателя в художественном переводе: на материале повести «Пепел звезд» Дибаша Каинчина / С. В. Иванова, У. Н. Текенова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – Якутск. – 2021. – № 6 (86). – С. 69–78. К–2.

20. Текенова, У. Н. Цветовая символика в алтайской прозе второй половины XX в. (на материале романов Д. Каинчина и А. Адарова) / У. Н. Текенова // Филология и культура. Philology and Culture. – Казань. – 2022. – № 1 (67) – С. 160–169. К–2.

Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов и материалов научных конференций, периодической печати:

На русском языке

20. Текенова, У. Н. Диалог со временем: Лазарь Кокышев и алтайская литература / У. Н. Текенова // Современное осмысление личности и насле-

дия классика алтайской литературы Л. В. Кокышева в школе. – Новосибирск: АРТА, 2013. – С.13–23.

21. Текенова, У. Н. Наследие J. Бедюрова: жанровое своеобразие / У. Н. Текенова // Судьба и наследие писателей-фронтовиков: взгляд из будущего. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2015. – С. 26–30.

22. Текенова, У. Н. Осмысление концепта «аил» – «дом» в рассказах Д. Каинчина «Талкан» и К. Телесова «Наш дом глазами молодого человека» / У. Н. Текенова // Актуальные вопросы алтайского языкознания: проблемы развития литературного языка, совершенствование современной орфографии – Горно-Алтайск, 2017. – С. 207–214.

23. Текенова, У. Н. Особенности поэтики драматических произведений Дибаша Каинчина / У. Н. Текенова // Актуальные проблемы алтайской драматургии в XXI веке: к 120-летию Павла Кучияка. – Горно-Алтайск: БИЦ Горно-Алтайского государственного университета, 2017. – С. 68–73.

24. Текенова, У. Н. Автобиография как жанр: автобиографический элемент в алтайской литературе второй половины XX – начала XXI в. (на примере произведений А. Адарова, Л. Кокышева, Б. Укачина и Д. Каинчина) / У. Н. Текенова // Сын Солнца – Күн Уулы. – Горно-Алтайск, 2018. – С. 134–145.

25. Текенова, У. Н. Дибаш Каинчин: состояние изученности творчества (к 80-летию писателя) / У. Н. Текенова // Идеино-художественные искания алтайских писателей конца XX – начала XXI в. – Горно-Алтайск, 2018. – С. 17–21.

26. Текенова, У. Н. Путь в науку – жизнь в науке / У. Н. Текенова // Н. М. Киндикова. Биобиблиографический указатель. – Горно-Алтайск: БИЦ Горно-Алтайского государственного университета. – 2018. – С. 4–7.

27. Текенова, У. Н. Путь к науке – жизнь в науке / У. Н. Текенова // Научное обозрение Саяно-Алтая. – Абакан, 2018. – № 2. – С. 93–96.

28. Текенова, У. Н. К вопросу о переводных произведениях Дибаша Каинчина / У. Н. Текенова // Алтайское языкознание: проблемы и исследования. – Горно-Алтайск, 2019. – С. 359-368.

29. Текенова, У. Н. Литературный портрет Александры Саруевой / У. Н. Текенова // История алтайской литературы. Книга 3. – Горно-Алтайск, 2019. – С. 16–39.

30. Текенова, У. Н. Исторический контекст и историософские мотивы романов «Ўстибисте Ўч-Сүмер» («Над нами Белуха») Д. Каинчина и «Өлүмнин чанкыр кужу» («Синяя птица смерти») А. Адарова / У. Н. Текенова // Политическое и социально-экономическое развитие Сибири и сопредельных территорий в 40-х – 90-х гг. XX века. – Горно-Алтайск, 2019. – С. 335–347.

31. Текенова, У. Н. Особенности переводных произведений Дибаша Каинчина (на примере поздних рассказов и повестей). / У. Н. Текенова // Перевод в поликультурном языковом пространстве Российской Федерации: потенциал и перспективы. – Якутск, 2019. – С. 460–469.

32. Текенова, У. Н. Роль мифологических образов-символов в рассказе Дибаша Каинчина / У. Н. Текенова // Транскультурная (транснациональная) литература на пересечении традиций и инноваций. – Абакан, – 2019. – С. 93–97.

33. Текенова, У. Н. Тема военного детства в алтайской литературе второй половины XX в. (на материале произведений Л. Кокышева, Б. Укачина, Д. Каинчина, Ш. Шатинова и К. Телесова / У. Н. Текенова // Горный Алтай и

горно-алтайцы в годы Великой Отечественной войны: сетевое электронное научное издание. – Горно-Алтайск, 2020. – С. 109–123.

34. Текенова, У. Н. Интерес к духовному наследию писателя. Жизнь и творчество Чот (Константин) Ивановича Енчинова. / У. Н. Текенова // Родник. Алтайдын Чолмоны: республиканская массовая газета. – 2021. – 18, 24 июня.

35. Текенова, У. Н. Рай («Ўстиги ороон») и ад («Алтыгы ороон») на материале произведений Дибаша Каинчина «Как Герася у нехристей ночевал» и «Рай» / У. Н. Текенова // Народы Алтая в социокультурном пространстве России на рубеже эпох. – Горно-Алтайск. – 2021. – С. 607–615.

36. Текенова, У. Н. Мифологема воды в алтайской литературе (на материале произведений Дибаша Каинчина) / У. Н. Текенова // Национальные литературы в контексте культурной интеграции. Выпуск 3. – Казань, 2021. – С. 256–263.

37. Текенова, У. Н. Мотив разоренного гнезда в лирике Бронтоя Бедюрова / У. Н. Текенова // Культурные универсалии в традиционной картине мира тюрко-монгольских народов. – Горно-Алтайск: БИЦ Горно-Алтайского государственного университета, 2022. – С. 72–76.

38. Текенова, У. Н. Мотив разоренного гнезда в поэзии Бронтоя Бедюрова / У. Н. Текенова // Научное обозрение Саяно-Алтая. – № 2 (34). Абакан, 2022. – С. 72–76.

39. Текенова, У. Н. Бронтой Бедюров – поэт, культуролог, востоковед, публицист и общественный деятель / У. Н. Текенова. // Галимджан Ибрагимов и татароведение XX и XXI веков. – Казань, 2022. – С. 275–281.

40. Текенова, У. Н. Литературный портрет Шатры Шатинова / У. Н. Текенова // История алтайской литературы (вторая половина XX – начало XXI вв.). Литературные портреты. Книга 4. – Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2022. – С. 228–292.

41. Текенова, У. Н. Литературный портрет Бронтоя Бедюрова / У. Н. Текенова // История алтайской литературы (вторая половина XX – начало XXI вв.). Литературные портреты. Книга 5. – Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2023. – С. 12–78.

42. Текенова, У. Н. Литературный портрет Таныспая Шинжина / У. Н. Текенова // История алтайской литературы (вторая половина XX – начало XXI вв.). Литературные портреты. Книга 5. – Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2023. – С. 400–456.

43. Текенова, У. Н. Типология и эволюция жанра повести в алтайской литературе / У. Н. Текенова // Научное обозрение Саяно-Алтая. №2 (38) – Абакан. – 2023. – С. 73–90.

44. Текенова, У. Н. Энтомологические мотивы в малой прозе Л. Кокышева и Д. Каинчина / У. Н. Текенова // Современное состояние и перспективы развития алтайского языка и языков тюрко-монгольского мира. – Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2023. – С. 174–187.

На алтайском языке

45. Текенова, У. Н. Л. В. Кокышевтин «Јүс письмо» деп чүмдемелинин поэтикасы / У. Н. Текенова // Совершенствование качества современного образования: проблемы, опыт, перспективы. – Горно-Алтайск, 2012. – С. 275–280.

46. Текенова, У. Н. А. О. Адаровтын телекейлик сезими: «Эдреп-жүүлгенини» ле «өлүмнин» категориялары / У. Н. Текенова // Наследие А. О. Адарова в современном восприятии – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2012. – С. 9–17.

47. Текенова, У. Н. Л. В. Кокышевтин «Jүс письмо» деп чүмдемели аайынча шүүлтелер / У. Н. Текенова // Материалы научно-практической конф., посвящ. 80-летию Л. В. Кокышева. – Горно-Алтайск, 2013. С. 38–42.

48. Текенова, У. Н. Лазарь Кокышевтин поэзиясында салкыннын / шуурганнын сүр-темдегинин учуры / У. Н. Текенова // Jүрегим менин ырысла толор. – Горно-Алтайск, 2013. – С. 105–109.

49. Текенова, У. Н. Бичиичинин литературалык сүр-журугы (Jыбаш Бөрүкович Каинчинин эземине) / У. Н. Текенова // Алтайдын Чолмоны: республиканская массовая газета. – 2013. – 25 июня.

50. Текенова, У. Н. Бичиичинин кееркедим телекейинде (Э. М. Палкиннин чыкканынан ала 80 жылдыгына) / У. Н. Текенова // Алтайдын Чолмоны: республиканская массовая газета. – 2014. – 20 февраля.

51. Текенова, У. Н. Jыбаш таайдын чөрчөктөринин кееркедим аныгузы / У. Н. Текенова // Алтайдын Чолмоны: республиканская массовая газета. – 2016. – 15 января.

52. Текенова, У. Н. Jергелей Маскинанын прозазы: тематиказы, курч сурактары, кееркедим чүми / У. Н. Текенова // Гуманитарные исследования в Горном Алтае. – Горно-Алтайск, РИО ГАГУ. – 2017 – С. 44–46.

53. Текенова, У. Н. Б. У. Укачинин «Сок жаньыс уулы» деп куучынында улустын ич-санаазы ла кылык-жаньы көргүзилгени / У. Н. Текенова // Литературное наследие Бориса Укачина. – Горно-Алтайск, 2017. – С. 21–28.

54. Текенова, У. Н. Алтай литературала иштеер программалар (10–11 класстар) / Н. М. Киндикова, У. Н. Текенова. – Горно-Алтайск, 2017. – 63 с.

55. Текенова, У. Н. Jыбаш Каинчинин чүмдемелдеринин тилинин ле марьнын аныгузы (куучындары ла көнү куучындары аайынча) / У. Н. Текенова // Алтайский язык и его диалекты: современное состояние, перспективы развития. – Горно-Алтайск, 2018. – С. 158–168.

56. Текенова, У. Н. Jүрүм, чындык, сүүш ле бүүдүмжи / У. Н. Текенова // Аржан Адаров. 1 том: Улгерлер. – Горно-Алтайск: АУ РА «Издательский Дом «Алтын Туу», 2021. –С. 288–298.

57. Текенова, У. Н. Алтай литератураны үредерине болушту методикалык ууламжылар. 11 класс (Методические рекомендации к учебнику 11 класса) / Н. М. Киндикова, У. Н. Текенова. – Горно-Алтайск, 2021. – 96 с.

58. Текенова, У. Н. Алтай литературала иштеер программалар (5–9 класстар) / Н. М. Киндикова, У. Н. Текенова, Е. Д. Чандыева. – Горно-Алтайск, 2023. – 109 с.

Текенова Ульяна Николаевна

**НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОЗЫ ДИБАША КАИНЧИНА
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук

Подписано в печать 29.03.2024.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п.л. 2,8. Тираж 120 экз. Заказ